

Словесница искусств

6/2000

Хабаровский краевой благотворительный
общественный фонд культуры

Словесница искусств

№ 6(2) 2000

Журнал Хабаровского краевого
благотворительного
общественного фонда культуры

Выходит 4 раза в год.
Хабаровск

Свидетельство Дальневосточного
территориального управления МПТР
ПИ № 15-0009 от 29 мая 2000 года.

Лауреат конкурса 1999г. среди провинциальных изданий,
пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и
журналистики» совместно с Фондом Форда.

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корректор	Наталья ЗУБКОВА
Компьютерный набор	Вера КОЛЯГИНА

Общественный совет	А. БОЧАРНИКОВ В. ВАСИЛИНЕНКО Л. ВАРАКСИНА О. ИВАНОВА Т. МЕЛЬНИКОВА Л. САЛЕЕВА Н. СОЛОВЬЁВА В. СЫСОЕВ С. ЧЕРЕПАНОВА Ю. ШЕСТАКОВА
--------------------	--

Фотографии Е. ГЛЕБОВОЙ, С. ЧЕРЕПАНОВОЙ,
Ю. КОВАЛЁВА, А. ГУДКОВОЙ,
Л. ПИНЕГИНОЙ, В. ТОКАРСКОГО,
В. СПИДЛЕНА, Н. ШЛЕНДИК

Редакция журнала выражает благодарность всем своим авторам за бескорыстную помощь в создании журнала.

Благодарим Госархив Хабаровского края, Хабаровский краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, Дальневосточную государственную научную библиотеку за предоставленные архивные материалы и фотографии.

Адрес редакции:

680000, Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17.
Телефоны: (4212) 32-73-85, 32-73-42. E-mail: vvb@fk.khv.ru
Отпечатано в Хабаровской краевой типографии,
ул. Серышева, 31. Заказ № 1689. Тираж 1000 экз.

На первой странице обложки:

**Храм святителя Иннокентия епископа Иркутского
(Хабаровск, 2000 г.). Фото Юрия Ковалёва.**

На четвёртой странице обложки:

Молебен на Большом Уссурийском острове. Фото Аллы Гудковой.

СОДЕРЖАНИЕ

Стоп-кадр времени

Алла Гудкова

ХАБАРОВСК ПРАВОСЛАВНЫЙ

Стр. 2

Светлана Давыдова

ХРИСТИАНСТВО НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Стр. 4

Событие

**БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ НА МЕСТЕ
РАЗРУШЕННОГО ХРАМА**

Стр. 5

Беседы в мастерской

Елена Глебова

**ВЕРА И ВЛАДИМИР ЕВТУШЕНКО:
«СВОЕГО ТВОРЧЕСТВА БЕЗ ИКОНОПИСАНИЯ
МЫ УЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМ...»**

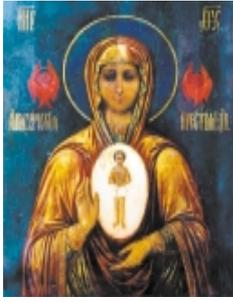
Стр. 6

Размышления

Александр Лепетухин

ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ДУХОВНОСТЬ

Стр. 11

Из летописи веков

Мария Бурилова

ИКОНА ВОЗВРАЩАЕТ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПАМЯТЬ

Стр. 13

Елена Бакшеева

ТАИНСТВА РОЖДЕНИЯ, БРАКА И СМЕРТИ НА СТРАНИЦАХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ

Стр. 18

Татьяна Мельникова

СВАДЬБА НАНАЙЦЕВ В ПРАВОСЛАВНОМ ХРАМЕ

Стр. 20

Не хлебом единым...

Лидия Вараксина

ХАРБИНСКИЙ ДОМ МИЛОСЕРДИЯ - ПРИЮТ ДЛЯ НЕПРИКАЯННЫХ ДУШ

Стр. 22

Рассказы о редких книгах

Валентина Катеринич

НОНН ПАНОПОЛИТАНСКИЙ: НА ГРАНИ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА

Стр. 24

Дальневосточная литература

Наталья Гребенюкова

“НАШИХ ПРАДЕДОВ БОГ ПО-ИНОМУ КОВАЛ...”

Образ Аввакума в произведениях дальневосточных писателей

Стр. 27

Арсений Несмелов

Поэма

ПРОТОПОПИЦА

Стр. 28

Человек, который рядом

Владимир Иванов

ЗАГАДОЧНЫЙ СВЕТ МЫСА АУРИ

Стр. 30

Время и судьбы

Клара Зилова

О СЕМЬЕ МАТВЕЕВЫХ И ЕЕ РОЛИ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Стр. 32

Архив

Ольга Иванова

Елена Бакшеева

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА ЗАРЕ XX ВЕКА

Стр. 35

Портрет художника

Елена Глебова

КРАСКИ ВОСПОМИНАНИЙ И НАДЕЖД В ПЕЙЗАЖАХ ИВАНА ЛЕБУХОВА

Стр. 36

Фрагмент будущей книги

Владимир Василенко

ПО ДОРОГЕ В ГЕСЕМ

Отрывок из романа

Стр. 38

Традиции

Елена Глебова

ОКНА ДУШИ В СКАЗКАХ НАТАЛЬИ ТИМЧУК

Стр. 40

Елена Солнцева

ИГРУШЕЧНОЕ ЦАРСТВО СВЕТАНЫ КОТЕЛЬНИКОВОЙ

Стр. 42

Фрагмент будущей выставки

Елена Глебова

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОСТОЯНИЯ, МОЛИТВЫ

Стр. 44

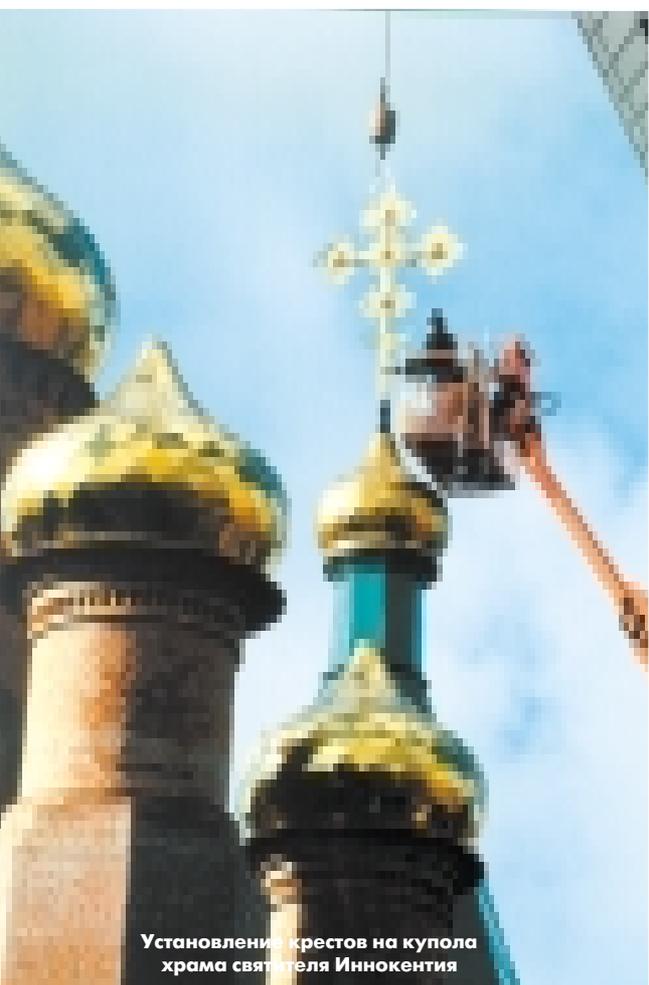

Театр

Елена Глебова

ТЕАТР-ГАЛЕРЕЯ: АЛТАРИ НАДЕЖДЫ В ПУСТОМ И БЕСКОНЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Стр. 45

Установление крестов на купола храма святителя Иннокентия

Воспитанница из Воскресной школы, действующей при храме святителя Иннокентия

Часовня Серафима Саровского

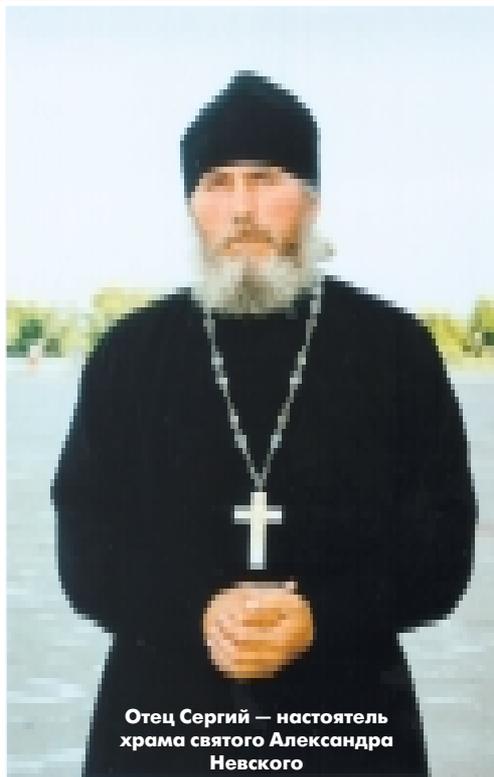
Стоп-кадр времени

ХАБАРОВСК ПРАВОСЛАВНЫЙ

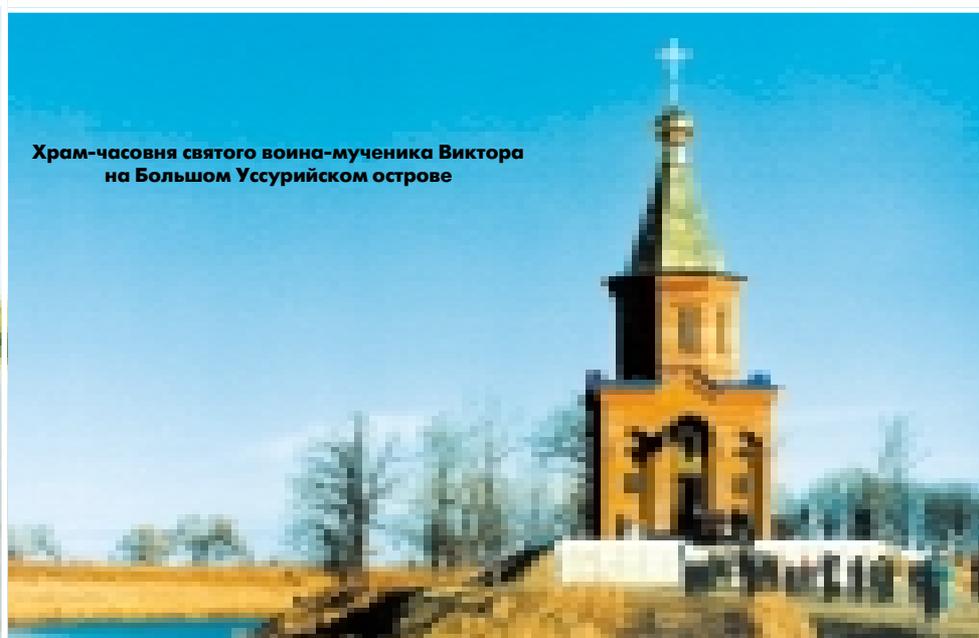

Алла Гудкова, православный журналист, фотокорреспондент.

Родилась и выросла в Хабаровске. В 1995 году закончила филологический факультет Хабаровского государственного педагогического университета. Фотографией занимается с 1992 года. В разное время сотрудничала с местными газетами, студией телевидения. Сегодня Алла Гудкова – ведущая православной программы «Вечернее слово» на радио «Восток России», ее публикации и фоторепортажи можно встретить в газетах «Приамурские ведомости» и «Хабаровские вести». Фотографии Аллы Гудковой печатались в книгах «Хабаровск – столица Дальневосточного региона» и «Хабаровск-2000». В 1999 году в Артподвальчике творческого центра «Тайны ремесла» состоялась персональная выставка фотографий Аллы Гудковой «Венец лета».

**Отец Сергей — настоятель
храма святого Александра
Невского**

**Храм-часовня святого воина-мученика Виктора
на Большом Уссурийском острове**

**Освящение вод реки Амур в праздник Крещения
Господня. 19 января 1999 г.**

Молитва диакона Вячеслава

Отроковица со свечой в храме святого Александра Невского

«Я христианства пью холодный, горный воздух»
(О. Мандельштам).

ХРИСТИАНСТВО НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Светлана ДАВЫДОВА, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и политологии ХГПУ

История распорядилась так, что православие пришло на Дальний Восток только в XIX веке, тогда как христианизация Руси, как известно, началась с X века. За девять столетий православие окрепло, пережило раскол, ереси, утвердилось в государственности, быте и определило мировоззрение русского человека. К этому времени благочестивая Россия понимала себя как хранительницу драгоценной жемчужины — своей веры, которую она приняла из рук ослабшей Византии. Это до скончания века определило для православного человека мессианские цели и духовные задачи России.

Далеко не праздным является интерес к истории христианизации Дальнего Востока уже хотя бы потому, что сходные задачи стоят и сейчас, как это ни парадоксально, перед дальневосточниками и спустя два столетия. Тогда православие пришло к наивным язычникам, сегодня — к искусственным нигилизмом, атеизмом, гуманизмом, буддизмом, хаббардизмом, но наипаче ростовщиком-процентщиком, — неоязычникам.

Первая православная церковь в честь св. Марии Магдалины (на месте сегодняшнего ОДОРА) была построена в Хабаровске ещё в 1858 г. Апостольским служением на Аляске, Алеутских и Командорских островах, на Камчатке, в Якутии и Приамурье прославился священник из Иркутска Иоанн Вениаминов, впоследствии принявший монашество с именем Иннокентий и ставший митрополитом Московским и Коломенским. В 1860 — 61 гг. святитель совершал миссионерские экспедиции по рекам Амуру и Уссури. В оснащение экспедиции входила христианская литература (Библия, Псалтырь, катехизисы и др.), а также буквари, азбуки. Создавались начальные школы, духовные училища и семинарии с отделениями для русских и инородцев. Св. Иннокентий никогда не ставил задачу обрусения новокрещенных, но их духовного обновления, воскресения и спасения, поэтому он стал истинным пастырем местным жителям. Евангелизации народов Приамурья во многом способствовало исследование и освоение этих земель русским мореплавателем П. И. Невельским. В 1850 — 52 годах на его кораблях не было священников, но не только церковная служба проводилась ежедневно, но и сам флотоводец крестил гиляков (нивхов). В 1953 году в экспедицию Невельского прибыл о. Гавриил, сын св. Иннокентия (Вениаминова), и крещение местных жителей стало исключительным правом священника. Отец Гавриил берет за создание начальных школ для детей переселенцев и коренного населения. При обучении в школе использовалась система Н. И. Ильминского, которая предусматривала сначала обучение на родном, а потом на русском языке. Первая школа для голдов (нанайцев) была открыта в 1865 г., в селе Болонь (1867 г.), Вятском (1882 г.), Доле-Троицком (1889 г.), Софийском (1890 г.)

Священник Протоиерей составил первые словари нанайского языка. Им был переведен на нанайский язык Символ веры, основные молитвы, собраны былины, сказки уссурийских голдов. За свои научные труды он был награжден в 1875 году серебряной медалью Русского географического общества. В 1912 году в Хабаровске открываются миссионерские курсы. Их слушатели окормляли народы дальневосточных окраин России, следуя заповедям великих святителей. «Вы — строители таин Божьих, свет для тьмы, соль земли — обязаны усердно строить дом Божий, усердно проповедовать слово Божие, добрым учением и воспитанием готовить истинных христиан» — учил епископ Иннокентий Иркутский (Кульчичий).

В начале XX века в Хабаровске было пять православных хра-

мов и девять домовых церквей на 50 тысяч жителей. Самый красивый и величественный — Успенский собор, построенный в 1889 году. Он простоял чуть более 40 лет, был разрушен, но есть надежда на его восстановление в связи с возрождением православного вероисповедания на русской земле, коей Дальний Восток является неотъемлемой частью. Свидетельством этому явилось знаменательное событие, происшедшее 20 мая 2000 года, когда Алексей II, Патриарх Московский и Всея Руси совершил Божественную литургию на месте бывшего Успенского собора. Очевидцы были поражены редким природным явлением, происходившим во время литургии, — радужным кругом вокруг солнечного диска, который видели все присутствующие. Верующие люди расценили его как благоприятное знамение свыше.

Десятилетия духовного варварства прервали христианизацию на российском Дальнем Востоке. Но вот наступили новые времена, казалось бы, благоприятные для христианства. В самом деле, разве свобода совести, воспринятая как одна из главных либеральных ценностей и записанная в Конституции, не способствует возрождению духовности? Для ответа на этот вопрос нужно разобраться, во-первых, с понятием «духовность» хотя бы потому, что все по-разному его понимают. С религиозной точки зрения, кроме светлой и божественной духовности есть духовность темная и сатанинская, но маскирующаяся зачастую в ангельские одежды. Распознавание духов — дело весьма не простое, даруемое на высоких степенях святости. Однако закон объявляет все конфесии равночестными. В результате наряду с возрождающимся православием мы оказались в гуще религиозного брожения с другими инославными религиями, сектами и оккультными течениями всех мастей. «Что в этом плохого?», — подумает просвещенный читатель, — пусть каждый сам выбирает свой путь к богам или Богу». Но давай поразмышляем, мой свободолюбивый оппонент!

Каждая цивилизация крепка и сильна своими, только ей присущими корнями, которые разрастаются из семени традиционной религиозной веры. Этот закон подметил еще сто лет тому назад наш великий соотечественник Николай Яковлевич Данилевский в своей работе «Россия и Европа». Но самое главное состоит в том, что начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Если же происходит попытка навязать чуждый тип, то цивилизация разрушается, превращаясь в поле исторических экспериментов. Увы! Не растет на российской клеверной полянке с милыми ромашками и золотистыми одуванчиками заморская, причудливая орхидея!

Сохраняясь самобытной цивилизацией, Россия одновременно выполняла две глобальные в масштабах планеты роли: МОС-ТА И БАТЬЕРА. Моста между западной и восточной цивилизациями. Дело даже не в торговых контактах, а в столкновении разных культур, разных миропониманий. И для Запада Россия была Востоком, а для Востока — Западом. И когда наступала возможность столкновения цивилизаций, Россия становилась барьером на пути гибели и самоистребления человечества. Так, именно Россия поглотила великое нашествие Востока на Запад в виде татаро-монгольских орд, а затем два столетия противостояла турецкой империи. А с другой стороны, Россия остановила католическую экспансию Запада на Восток и не дала развернуться крестовым походам по всему Евразийскому континенту. Эти роли суждено России играть в современных условиях и в дальнейшем. Меняется только тип мировой экспансии и центры глобальных противостояний.

Сегодня восток России находится на стыке цивилизационных плит, причем географически он ближе к центру восточно-конфуцианской цивилизации (Китай), чем к центру своей собственной (Москва). А это налагает на образованный слой и политическую элиту региона обязанность проводить образовательную и культурную геополитику на поддержание православной культуры от размывания и превращения востока России в восток Востока.

Современный религиозный рынок представляется эдаким религио-супермаркетом, где есть товар на любой вкус. Хотите старины — пожалуйтесь в антикварный отдел с кришнаизмом и буддизмом, если вы любитель модерна, то просим в церковь соентологии или лингвистического программирования. Ну а если объединитель-экуменист, то к вашим услугам «синтез науки религии и философии» в учении агни-йоги и мадам Блаватской. Можно поочередно попробовать все меню. И было бы это и весело, и презанятно, если бы оплата производилась в рублях, а то ведь здесь цена за любопытство только одна — ваша бессмертная Душа и годы единственной земной жизни.

Какую концепцию мира предлагает христианство? Утверждает беспрецедентную в нерелигиозной среде мысль, что то состояние, в котором рождается, растет, развивается, живет и действует человек, в самой сути своей является ненормальным, болезненным. В христианском богословии различаются два вида знания: естественное и сверхъестественное. Первое означает не что иное, как то представление о Боге, человеке и мире, которое слагается у человека из непосредственного познания мира и самого себя. Оно характеризуется тем, что все представления даже о мире трансцендентном наделяются земными свойствами, человеческими чертами.

Не случайно поэтому сами языческие боги оказываются столь антропоморфными. Ибо без знания от Бога человек всему критерий, он — норма. Другого критерия у него нет и не может быть! Этот взгляд очень хорошо выразил один из греческих мыслителей, великий софист Протагор, когда сказал: «Человек есть мера всех вещей». Что же, великолепно! И возразить, кажется, нечего, потому что, действительно, выше головы не прыгнешь.

Однако есть и другое познание. Сверхъестественное откровение тем и отличается от естественного, что дает человеку знание, которого мы не можем найти здесь, на земле. В богословии этот икс называется первородным грехом. Это не личный грех, это — не акт воли, нет. Это наследственная расстроенность человеческой природы, передающаяся из поколения в поколение. Этим первородным грехом в значительной степени обусловлены наши личные грехи, которые в свою очередь порождают общественные и межгосударственные проблемы.

Но что такое грех? Грех — есть нарушение объективно существующих духовных законов. Как нарушение физических законов ведет к печальным последствиям, так же и нарушение духовных законов ведет к подобным же результатам. Например, медицина давно уже доказала, что все называемое в христианстве грехом самым пагубным образом воздействует на нашу психику, нервы, тело. Церковь постоянно напоминает, что последствия личного греха влияют и на здоровье общества в целом. Поэтому христианство утверждает, что пока люди не научатся бороться со своими страстями, то есть пока зло не побеждено внутри человека, оно не может быть побеждено и вовне, ибо дух творит себе формы. Заповеди же Христовы — это не препятствие к вольной жизни, а объективные законы человеческого бытия. Христианство ничего не отнимает у человека. Перефразируя мысль Паскаля, можно сказать: христианство, не лишая человека жизненно необходимого, дает ему в то же время возможность даже в тяжелейших условиях этой жизни иметь то, что именуется счастьем. Ведь когда говорят: «Царствие Божие внутри вас есть», то говорят не о богатстве или славе, которые мимолетны и неотвратимо отнимаются смертью, но о том счастье, которое находится в душе человека и является его достоянием. Христианство говорит, что без изменения духовной жизни каждого отдельного человека невозможно положительное решение никаких жизненно важных проблем, в том числе и проблем войны.

Патриарх Алексий II во время Божественной литургии благословил верующих дикирием и крестом.

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ НА МЕСТЕ РАЗРУШЕННОГО ХРАМА

В мае 2000 года жизнь Хабаровска ознаменовалась значительным событием — приездом Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

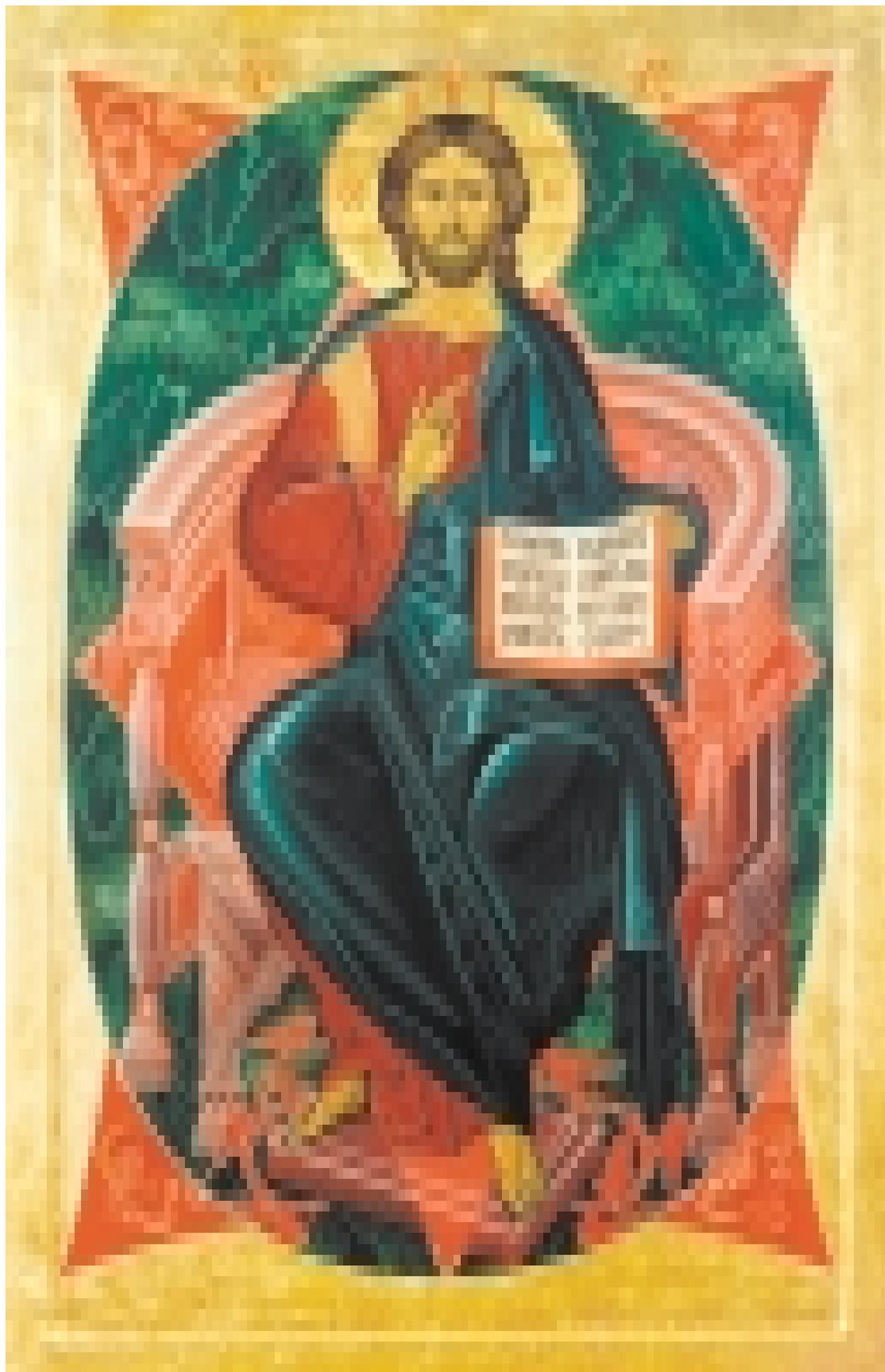
Прибыв в Хабаровск вечером 19 мая, Святейший Патриарх из аэропорта направился в Христорождественский кафедральный собор, где отслужил молебен Божией Матерью и святителю Иннокентию Иркутскому в присутствии многочисленных прихожан. Затем Патриарх Алексий II побывал на Большом Уссурийском острове, где не так давно построен храм-часовня в честь святого воина-мученика Виктора, и совершил там заупокойную литию.

Утром следующего дня на Комсомольской площади, там, где в тридцатые годы был разрушен Успенский кафедральный собор, Святейший Патриарх в сослужении с митрополитом Калининградским и Смоленским Кириллом, епископом Приморским и Владивостокским Вениамином, епископом Хабаровским и Приамурским Марком и духовенством Хабаровской епархии совершил Божественную литургию. И многие увидели в этом добрый знак. Он дает надежду, что при содействии краевых властей, верующих и меценатов Успенский собор будет возвращен городу.

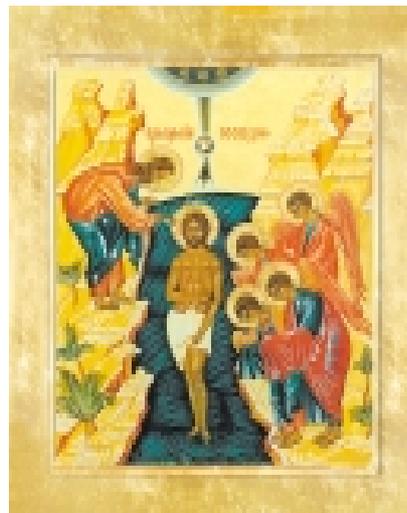
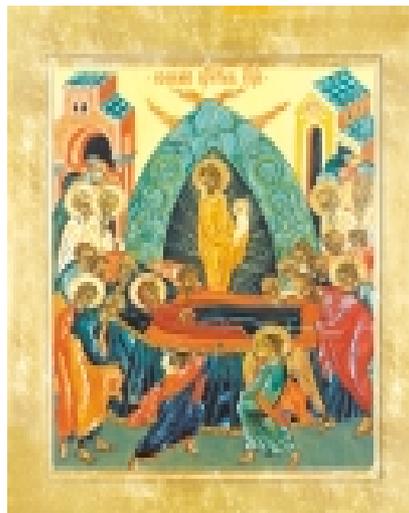
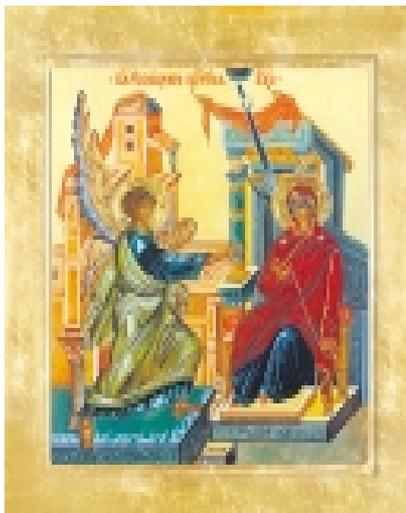
Во время своего визита Патриарх Алексий II побывал на утёсе, в Дальневосточном художественном музее, в доме ветеранов, на центральной площади Хабаровска и мемориале Памяти, где возложил цветы к Вечному огню.

В скором времени в нашем городе на территории Дорожной больницы появится новый храм в честь святой великомученицы княгини Елисаветы. Первый камень в его основание заложил Святейший Патриарх.

Фото Аллы ГУДКОВОЙ.

Спас в силах (из Деисусного чина). Дерево, левкас, темпера.

Иконы праздничного ряда (3-й ярус иконостаса).

Благовещение пресвятой Богородицы.
Дерево, левкас, темпера.

Успение пресвятой Богородицы.
Дерево, левкас, темпера.

Крещение Господне.
Дерево, левкас, темпера.

ВЕРА И ВЛАДИМИР ЕВТУШЕНКО: «Своего творчества без иконописания мы уже не представляем...»

Елена ГЛЕБОВА, фото Юрия КОВАЛЁВА

Евтушенко Владимир Павлович родился в 1943 году. Закончил художественно-графический факультет Хабаровского пединститута в 1975 г. Работал художником-оформителем с 1970 г. в мастерской Художественного фонда. Член Союза художников России с 1983 г. Занимался художественным проектированием, медальерным искусством, витражом, живописью.

Евтушенко Вера Анатольевна. Родилась в 1948 году. Закончила Владивостокское художественное училище в 1970 году. 1970 — 1985 гг. работала в производственном объединении «Чайка» главным художником-модельером. Участвовала в городских, краевых, зональных выставках. Занималась росписью по шёлку, реставрацией икон.

Каждый день, когда утреннее солнце освещает проснувшийся город, и потом, когда небесное светило уплывает за голубоватые сопки, над Хабаровском раздаётся колокольный звон. Это храм святителя Иннокентия епископа Иркутского, золотая куполами, зовет своих прихожан. Голоса колоколов и радостны, и трагичны, а сердце сжимается от необъяснимой печали.

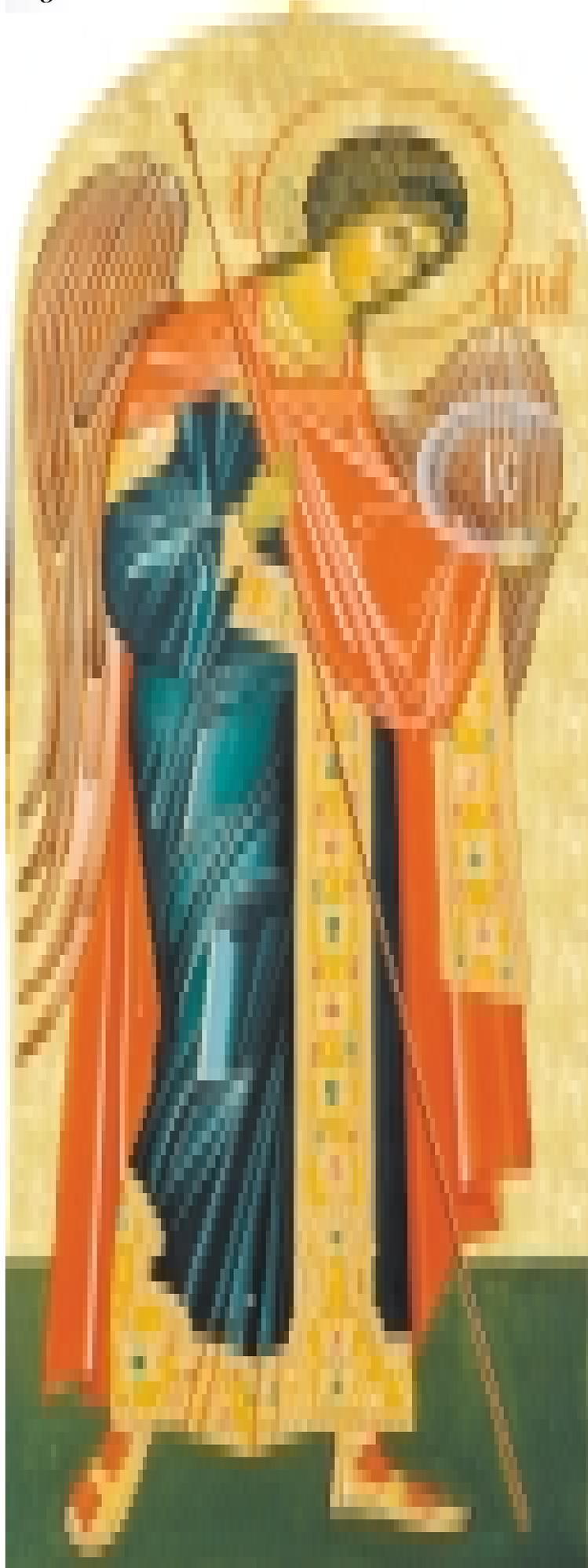
Перетерпев боль и муку, перенеся унижения, церковь вернулась к нам.

История возрождения Иннокентьевской церкви началась в девяностых годах теперь уже уходящего века. Тогда свобода на самом деле стала глотком свежего ветра. Он помог сбросить удушливую паутину, которая, казалось, накрепко опутала наши сердца и умы. Stanislas Владимирович Проценко, в то время атаман Уссурийского казачьего войска, стал первым, кто открыто заговорил о возвращении Иннокентьевской церкви (в то время в ней располагался планетарий). Постепенно образовалась инициативная группа хабаровчан, в которую вошли художники Николай Спижевой, Владимир и Вера Евтушенко, Павел Трач, архитекторы и строители Дмитрий Бальчев, Юрий Кривокурс, Леонид Волков. Были и другие люди, которые тоже совершенно бескорыстно принимали участие в возрождении этого святого места. И вот в июле 1991 года отделом юстиции крайисполкома зарегистрирован вновь образованный приход святого Иннокентия епископа Иркутского Русской Православной церкви. Временный иконостас сделали по эскизам Владимира Евтушенко, и храм, тогда еще практически разрушенный, принял верующих.

В качестве первого крупного спонсора выступил предприниматель Владимир Воловик. Собственно говоря, благодаря его пожертвованиям и начались восстановительные работы. Затем основную финансовую ношу взял на себя президент ЗАО «Лесной комплекс» Владимир Фукалов. Сегодня восстановление Иннокентьевской церкви практически завершено. Купола уже увенчаны величавыми крестами (эскизы Владимира Евтушенко), отлиты и установлены колокола. Группа хабаровских художников, которую возглавляет Борис Федоровский, заканчивает роспись стен по его эскизам.

Автором эскизов иконостаса с самого начала был Владимир Евтушенко. Потом, получив благословение Владыки Марка, вместе с женой Верой и другими мастерами он воплощал его в материале. Размышления, сомнения, проработка новых и новых вариантов. Все это уже позади. Меньше всего хочется употреблять высокие выражения, но то, что в течение года делали Владимир и Вера Евтушенко, на самом деле титанический труд. И прежде всего труд души.

В день встречи в мастерской художников Евтушенко нас окружали строгие лики святых. Это их временное пристанище. Когда иконописцы нанесут на доски последние штрихи, они отправятся в храм и останутся там навсегда. И теперь уже в святые лики будут вглядываться прихожане, молиться, просить защиты.

Святой Архангел Михаил (из местного ряда). Дерево, левкас, темпера.

Е.Г.: — *Все эти годы вы как профессиональные художники работали в разных направлениях, в различных техниках, но теперь творческий путь привел вас в храм. А с чего все началось?*

Владимир: — В свое время, не дожидаясь начала восстановительных работ в Иннокентьевской церкви, я сделал три варианта иконостаса и показал Владыке Иннокентию. Он отнесся очень внимательно к эскизам и благословил меня на исполнение иконостаса. Но из-за отсутствия финансирования восстановительные работы в церкви не двигались. Позднее, когда Хабаровскую епархию возглавил Владыка Марк, в эскизе иконостаса по его совету пришлось кое-что переделать, но от этого он только выиграл. Добавилось больше высоты, и это позволило нам писать иконы пророческого и Деисусного (изображение святых, предстоящих Христу. — Прим. ред.) ряда в полный рост.

Е.Г.: — *А до этого момента ваша жизнь, творчество были как-то связаны с православием?*

Владимир: — Лично меня всегда интересовала икона как таковая. В начале семидесятых годов я выполнял миниатюры в меди с православными сюжетами: “Андрей Рублев”, “Иван Федоров — первопечатник” и другие. Потом это как-то отошло, были иные проблемы, стояли иные задачи, но тяготение к православию, к церковному искусству было всегда. Когда праздновалось 1000-летие крещения Руси, я задумался целью попасть на этот праздник в Москву. Хотелось посмотреть великолепную выставку в залах Академии художеств, почувствовать ту особую атмосферу, встретиться с интересными людьми. И бесследно это, конечно же, не прошло. Позднее, когда начались разговоры о восстановлении Иннокентьевской церкви, так сложилось, что первое собрание инициативной группы проходило в нашей мастерской. Так что с первых дней мы с Верой были связаны с этой церковью.

Вера: — Мы с Володей были крещеными, но не воцерковленными, а приобщение к церкви прошло как-то естественно, даже радостно, и стало образом нашей жизни. Когда в 1998 году мы писали икону “Снятие с креста” для святого престола Иннокентьевской церкви, пришлось впервые столкнуться с такой сложной композицией, которую нужно было перевести на доску. Столько содержания, смысла в каждой линии. И столько горя, что во время работы слезы наворачивались на глаза. Именно тогда я очень остро это почувствовала. А вообще моими любимыми образами в иконописи всегда были архангелы. В разное время писала ангелов-хранителей, были написаны на шелке “Георгий Победоносец”, “Архангел Михаил”, олицетворяющий борьбу со злом, с грехом.

Е.Г.: — *Принимаясь за столь сложную работу, как иконостас, какими источниками вы пользовались, откуда черпали “вековую мудрость”?*

Владимир: — Что-то видели на выставках, что-то в наших хабаровских музеях. Но здесь мы столкнулись с некоторой сложностью. Иконы, которые хранятся в музейных фондах, привезены сюда из разных мест, они принадлежат кисти разных мастеров. А ведь иконостас должен быть выполнен единым изобразительным языком. Поэтому пришлось пользоваться древними источниками, которые сохранились. Речь о московской, новгородской, псковской, палехской школах иконописи. Использовали и некоторые источники современной иконописи. Так одновременно мы работали и постигали технологические и технические тонкости иконописного искусства.

Издrevле повелось, что каждый мастер-иконописец был опекаем церковью. И на первом этапе работы нам очень помог Владыка Марк своими советами, замечаниями, напутствиями. Он говорил, что это дело творческое, мы вольны, но главное — не отступать от канонов.

Лично для меня иконописание интересно тем, что процесс этот коллективный. Ты словно включаешься в цепочку художников и иконописцев, которые издревле создавали церковное искусство с его языком, живописной манерой, где все выверено. Поэтому, впервые взявшись за подобную работу, я старался особо себя не проявлять, не находить собственный изобразительный язык. Нам ближе московская школа иконописи, которая привлекает радостью и праздничностью красок. Так писали Андрей Рублев, Феофан Грек. Поражаешься красоте линий, красок и, когда сталкиваешься с этим при написании иконы, понимаешь, насколько сложно выполнять работы на таком же уровне.

Е.Г.: — *Всегда иконописцы на Руси, принимаясь за работу, не просто замешивали краски особым образом, но прежде всего заботились об очищении души. Они постились, читали молитвы. А вы соблюдаете подобный ритуал?*

Вера: — Это естественный процесс, без него ты просто не сможешь работать. И, кстати сказать, легче всего было писать иконы во время Рождественского и Великого постов.

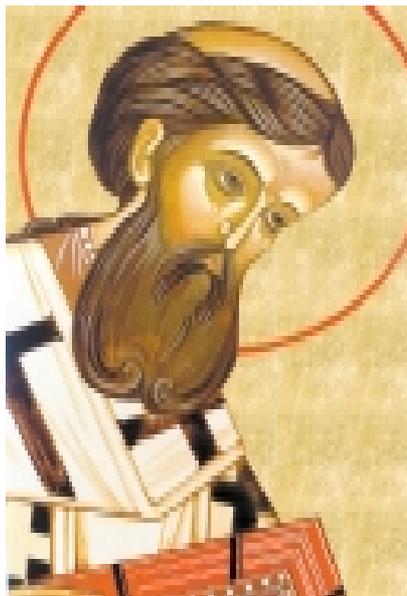
Е.Г.: — *Интересно, а когда вы работаете над ликами святых, приходят ли в голову такие мысли, что спустя какое-то время к ним будут подходить люди, кто-то за исцелением, кто-то за отпущением грехов, и вы как бы становитесь участниками некоего таинства?*

Вера: — Мыслей подобных лучше не допускать. В душе должна быть только молитва. А вообще, работая над иконой, ты вдруг начинаешь понимать, что от тебя здесь ничего не зависит, и все это не твое, ты — только лишь продолжатель традиций древнерусского искусства.

Е.Г.: — *А как же творчество, индивидуальность?*

Святой Архангел Гавриил (из Деисусного чина).
Дерево, левкас, темпера.

Святитель Григорий Палама (из Деисусного чина), фрагмент.
Дерево, левкас, темпера.

Владимир: — Эта тема вообще очень интересна. В своих лекциях монахиня Иулиания, наставница многих иконописцев Троице-Сергиевой лавры, говорит о том, что, когда мирской художник пишет портрет или пейзаж, мир его переживаний отражается на картине. Но в иконописи в любом слу-

Святой Иннокентий епископ Иркутский (из местного ряда иконостаса), фрагмент. Дерево, левкас, темпера.

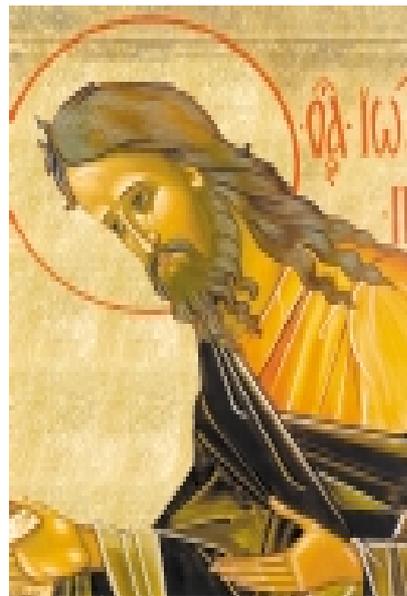
чае нужно избегать самовыражения. Иконописец с самого начала должен пытаться смиренно, подчеркиваю, смиренно, не самовыражаться, чтобы не привнести подобное качество обыкновенного светского живописца в икону. Ведь в иконе отражается мир иной — мир духовный, не плотский. Но это не значит, что в иконописи нет творчества. Просто оно несколько иное. И какая ни есть школа у живописца, она обязательно проявится цветоощущением, изяществом линий.

Вера: — Но самое главное — не нарушить каноны при написании иконы, тот порядок, который был установлен веками. Начиная от изготовления доски и заканчивая олифлением и надписью.

Е.Г.: — *Вот уже больше года вы работаете над иконостасом, живете, дышите этим, да и вся ваша мастерская буквально пронизана каким-то особым светом. Но, когда работа будет завершена, не возникнет ли ощущение потери, незаполненного пространства?*

Вера: — Я уже сейчас у Володи спрашиваю, что же мы будем делать, когда закончим иконостас? Конечно, есть ощущение грусти, потому что мы приросли к этому делу, сроднились. И вполне возможно, в нашей жизни это единственная подобная работа. Но мы благодарны судьбе за такой подарок. Тем более что 28 августа исполняется тридцать лет, как мы встретились с Володией в Хабаровске.

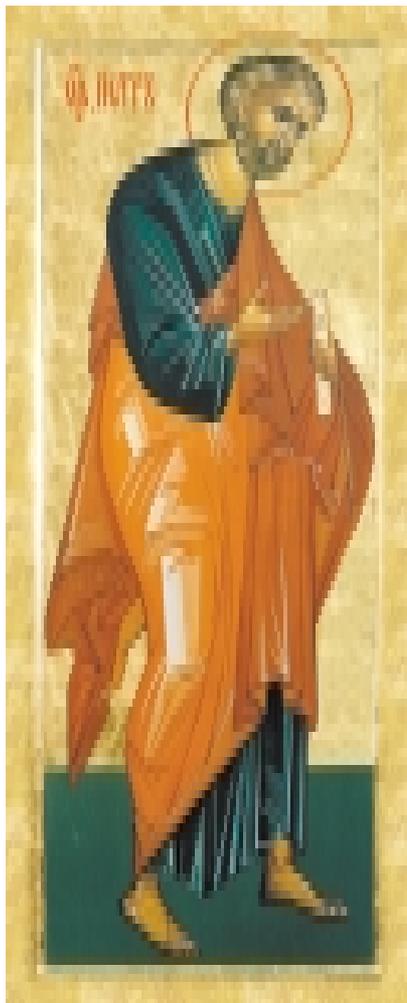
Владимир: — Я уже говорил, что в данном случае мы выступаем как правопреемники и авторство своё мало ощущаем, но когда работа уже сделана, есть элемент отстранения. Икона переходит из мастерской в церковь, и наступает ощущение, что ты к этому уже не причастен. Конечно, в нашей жизни до этого момента были работы большие и значительные, как, скажем, витраж для Дальневосточной академии экономики

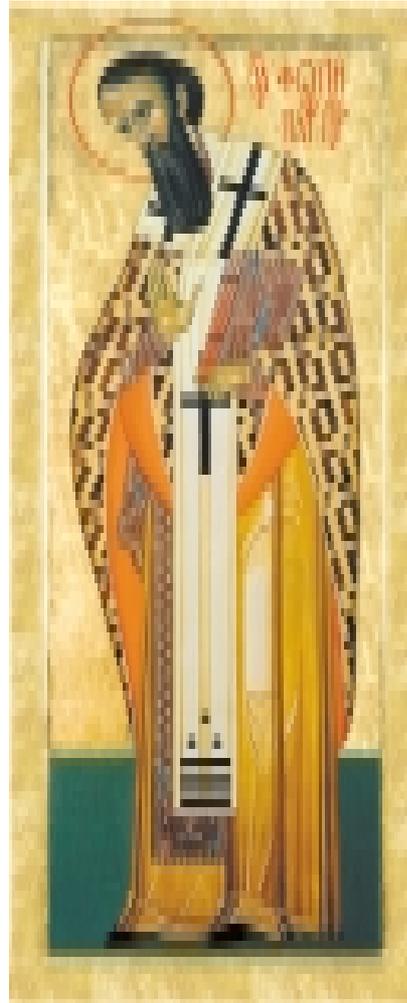
Святой пророк Иоанн Предтеча (из Деисусного чина), фрагмент.
Дерево, левкас, темпера.

и права, но это совсем иное.

Вера: — Когда мы с Володией закончим иконостас, обязательно напишем иконы для себя и своих близких. А в будущем, даже если не будет подобной работы, продолжим заниматься иконописью. Без этого мы уже не представляем своего творчества.

Святой апостол Пётр (из Деисусного чина).
Дерево, левкас, темпера.

Святой Фотий. Патриарх Уареградский (из Деисусного чина).
Дерево, левкас, темпера.

**ИКОНА —
ЭТО МОЛИТВА
В КРАСКАХ, ОНА
ОБРАЩАЕТСЯ
К САМЫМ
ВЫСОКИМ
НАШИМ
ДУХОВНЫМ
ПРОЯВЛЕНИЯМ.**

Александр ЛЕПЕТУХИН,
художник

Коллаж
Александра Лепетухина
и Галины Першиной

ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ДУХОВНОСТЬ

Когда в Дальневосточном художественном музее проходила выставка икон, было интересно наблюдать за реакцией посетителей. Некоторые из них подолгу вглядывались в образы, пытались прочесть тексты, некоторые крестились. А другие, заглянув в зал, обегали его по периметру и также бодро вылетали в дверь. Одна моя знакомая остановилась на пороге и вообще отказалась войти. "Мне это не интересно", — сказала она.

Великое искусство само выбирает, с кем общаться. Шопенгауэру принадлежит верное замечание: картины подобны высочайшим особам, "было бы дерзостью, если бы мы сами первыми с ними заговорили. Вместо того нужно почтительно стоять перед ними и ждать...". Особенно, когда мы общаемся с такой сложной духовно-живописной системой, как икона.

Искусство обладает способностью настраивать душу на определенную вибрацию. Икона — это молитва в красках, и она обращается к самым высоким нашим духовным проявлениям. Понятно, что не всякий человек может "настроиться". Не все обладают достаточно высоким духовным опытом. Кроме того, современный человек не знаком с изобра-

тельным языком иконы. Многие воспринимают ее даже как примитив, неумение изобразить "правильно". Но на самом деле икона не стремится объективно отразить проявления видимой реальности. Она отражает духовную реальность, увиденную "очами души". Для этой цели древние художники создали сложную и вполне совершенную систему, которую принято называть обратной или сферической перспективой. Она в корне отличается от прямой перспективы, открытой мастерами итальянского Возрождения. Это взгляд неподвижного человека с одним глазом, который относительно себя выстраивает пространство, считая себя точкой отсчета. Чем-то это напоминает взгляд эгоцентрика.

Сферическая перспектива прежде всего динамична. Вспомните, как мы вертим головой, осматривая купол неба. А как выгибается упругой выпуклой дугой берег, когда плывёшь в лодке. По сути мы внутри огромного зрительного

шара, который как бы передвигается вместе с нами. Если этот шар разместить на плоскости, с ним произойдут те самые деформации и сдвиги, которые мы видим на иконе.

Когда возникла проблема создания систем для космической навигации, ученые столкнулись с невозможностью использовать столь привычную для нас линейную перспективу в космосе. Там нет рельсов, дорог и нет поверхности, на которой все это может расположиться. Тогда академик Раушенбах, сам человек глубоко верующий, пришел к выводу, что сферическая перспектива наиболее точно отражает пространственные взаимодействия в космосе. Там объекты динамичны, и движутся они по сложным траекториям. Так, на основании сферической перспективы академиком Раушенбахом были созданы приборы для стыковки космических аппаратов.

Получается, что “Троица” преподобного Андрея Рублева написана по тем же законам, по которым космонавты пилотируют свои корабли. Если внимательно присмотреться к этой иконе, можно отметить, что фигуры трех ангелов словно стелются по выпуклой и вогнутой поверхности шара. Центральная часть сферы разомкнута, и зритель видит стол и стоящую на нем чашу. Во время молитвы сознание человека обретает внутреннюю тишину и гармонию, и он как бы замыкает собой эту сферу, становясь участником божественной беседы.

Интересно проследить, как взаимодействуют время и пространство на изобразительной плоскости. Оказывается, если пространство на картине сжимать, то время начинает растягиваться. Вспомните, как скачет на своем белоснежном коне Георгий Победоносец. Мы чувствуем, что этот конь никогда не опустит взметнувшихся копыт, и на красном плаще никогда не дрогнет ни одна складка. Перед нами образ вечного столкновения добра и зла в их абсолютном проявлении. На иконе, изображающей усекновения главы Иоанна Предтечи, иконописец показал покорно склонившего голову Иоанна. Рядом с ним с поднятым мечом стоит воин. А внизу, у их ног, чаша со второй (!), уже отрубленной головой Иоанна. Для сферического пространства характерно множество точек зрения в различные пространственные моменты. Когда мы соединяем их на плоскости, то обретаем большую временную свободу. Можно сразу изобразить рождение, жизнь и смерть святого, и ни у кого не возникнет никакого сомнения, что это допустимо.

Если применить иконную условность в реалистической живописи, получится полная несуразица. В свое время И. Е. Репин решил в портрете Льва Тол-

стого показать гениальность писателя с помощью свечения его головы. Он написал Толстого с книгой в руках на фоне вечернего сада и приставил к реальному туловищу светящуюся розовым светом бородастую голову. Эффект вызвал немало веселья у публики: “Светящийся китайский фонарик на плечах!”. Можно сделать вывод: у каждой изобразительной системы есть своя специфика, и одна другую не может заменить. Изобразительное пространство во многом диктует художнику, что он может выразить.

Икона изображает не земной, а горный мир. В нем все иное. В частности, здесь нет конкретного источника света, потому что он сам лучезарен. И на иконах, если взять их лучшие образцы, это свечение достигает удивительного воплощения. Светится все: одежда, здания, “иконные горки” (которые, кстати, являются равниной вздыбленной обратной перспективой). Свечение передает родость преображенного, одухотворенного мироощущения. Андрей Рублев, Дионисий действительно находились в таком радостно-возвышенном духовном состоянии, когда накладывали свои прозрачные яркие краски. Способны ли мы сегодня испытать такую радость? Когда смотришь современные иконы, видишь, что свечение померкло. Краски стали тяжелее, контуры жестче. Очевидно, живопись объективно отражает сегодняшнее духовное состояние человека.

Вот что еще интересно. На старых иконах в глазах святых нет блеска. Разве иконописцы не могли нарисовать блик? Они сознательно отказывались от излишнего оживления глаз, обращенных не в наш суетный мир, а в Вечность. Потому что чувственный блеск в глазах противоречил утверждению святых отцов о том, что “на вершине любви нет страстей”.

Если посмотреть на фигуры, изображенные на иконах, можно увидеть особое движение, напоминающее движение волны по поверхности шара. Эта волна почти неуловима, но она придает особую гармонию вытянутым, не имеющим физического веса фигурам. Действительно, перед нами окно в иной мир. И особо почитаемыми становятся те иконы, где духовная реальность запечатлена с наибольшей силой. А это, разумеется, зависит от духовного состояния художника. Одним мастерством ничего не добиться. Быть подлецом и создавать высокое невозможно. Гений и злодейство вещи, как известно, взаимоисключающие.

А какова роль иконы в жизни современного художника? Оказывается, она может быть не только камертоном, настраивающим душу. Икона может “настраивать” и живопись. Часто, взяв в руки репродукцию “Троицы”, я смотрю, сравниваю ее цельность со своими работами и вижу их грязь, раздрызганность, негармоничность. Это, собственно, и заставило меня в свое время пойти в храм. Очевидно, совершенствование души и совершенствование палитры — одно и то же.

Кстати, отношение к иконе как к высочайшей вершине в мировой живописи характерно для всех истинных художников. Как-то я принес своему соседу по мастерской заслуженному художнику России Г. С. Зорину альбом с репродукциями пятисот шедевров мировой живописи. Он долго его листал, а потом достал книгу с репродукциями икон: “Найди в своих “шедеврах” что-нибудь равное по силе”. И открыл наугад одну из них. Я долго листал шикарный американский альбом, но ничего не находилось. Стоило рядом поставить икону, и “шедевр” тут же гас, становился суетной театральной сценой, не способной выдержать конкуренции с мощным цветовым аккордом иконы. И подумалось тогда: прогресс в живописи идет, но икона всегда оказывается впереди прогресса. Потому что она устремлена ввысь.

И еще. Вспомнилась история, которая произошла совсем недавно. Сосед по мастерской Александр Рябчук вместе с другим художником Фаридом Галиулиным делали экспозицию в краеведческом музее. Им нужна была красивая икона. Совершенно случайно они выбрали изображение Богоматери, подходящее по размеру и по “пятну”. Да и вообще эта икона как-то им приглянулась и словно сама попросилась в экспозицию. Так из музейных запасников на свет появилась “Албазинская Божья Матерь”, которая теперь находится в кафедральном соборе. До сих пор помню крестный ход, когда ее торжественно переносили в храм. Говорят, в народе есть поверье, что икона эта чудотворная.

У икон, как и у людей, своя судьба. И приятно сознавать, что хабаровские художники приняли живое участие в обретении “Албазинской Божьей Матери”.

Крестный ход иконы «Албазинской Божьей Матери». 18 сентября 1999 г.

Фото Ларисы Пинегиной.

ИКОНА ВОЗВРАЩАЕТ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПАМЯТЬ

Мария БУРИЛОВА,

заведующая отделом истории Хабаровского краеведческого музея им. Н. И. Гродекова

Фото В. Спидлена.

18 сентября 1999 г. состоялся крестный ход по передаче иконы "Албазинской Божьей Матери" ("Слово плоть бысть") в Хабаровский Христорожественский кафедральный собор. Икона хранилась в Хабаровском краеведческом музее с 1930 по 1999 гг. Проходило это богоугодное событие торжественно, на том самом месте, где в начале века возвышался Успенский собор, иконостас которого украшала икона до 1930 г. В музее икона более 60 лет хранилась в фондохранилище. Посетители смогли ее увидеть только с августа 1997 г. в экспозиции, посвященной освоению и заселению Приамурья, материальной и духовной культуре переселенцев. Хабаровский краеведческий музей принял решение передать икону пока в Христорожественский храм с надеждой на восстановление Успенского собора. Народ сохранил религиозные традиции, в которых ярко выражены идеалы мира, добра, справедливости и гуманности. Пусть икона служит на духовную пользу православным. Сотрудники краеведческого музея надеются, что Успенский собор все-таки восстановят и икона "Албазинской Божьей Матери" будет способствовать духовно-нравственному возрождению, формированию широкого общественного согласия в обществе.

Андрей Фёдорович Плюснин — церковный староста Иннокентьевской церкви с 1864 по 1880 гг.

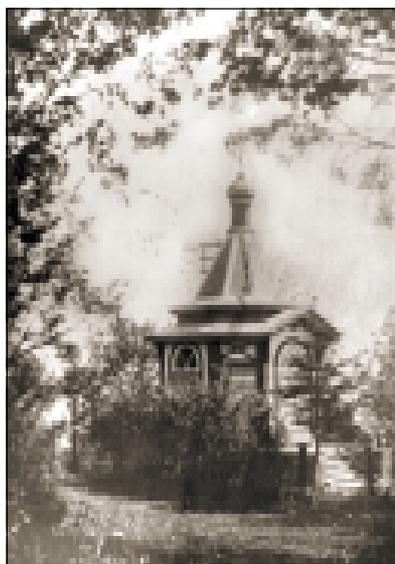
В канун празднования 2000-летия христианства с новой силой проявляется интерес к истории хабаровских церквей, их роли в успешном заселении приамурских земель. Тогда основная забота лежала прежде всего на плечах первых миссионеров — проповедников и настоятелей приходов, а также на всех остальных христианах, кому было небезразлично духовное состояние народа. Огромную роль в этом процессе играла личность. В памяти потомков сохранилось много имен, чьи заслуги перед церковью очевидны: Иннокентий Иркутский, именем которого названа хабаровская церковь (1870), Иннокентий Вениаминов — первый амурский архиерей, который освящал первую деревянную хабаровскую церковь Марии Магдалины, поставленную линейными казаками на берегу Амура в год основания Хабаровки (1858). Преданными православной вере были хабаровские купцы. Они покровительствовали строительству храмов. Так, в числе хабаровских фамилий можно назвать братьев Плюсниных (Андрей и Василий Федоровичи). Они не только вкладывали свои сбережения в строительство церквей, но также участвовали личным многолетним трудом, организовывали сбор пожертвований.

Андрей Федорович Плюснин (1827 — 1880) — забайкальский крестьянин, поселившийся в Хабаровке с 1860 г., купил 117 десятин земли на берегу Пензенского залива, в 15 верстах от Хабаровки, где проводил опыты хлебопашения, выпас скота. Здесь же, на берегу протоки, Андрей Федорович выстроил церковь, позже перенесенную на городское кладбище.

В 1870 г. единственная в Хабаровске церковь Марии Магдалины (стояла в го-

Часовня Марии Магдалины в городском саду, 1894 г.

**Часовня Марии Магдалины.
Конец XIX века.**

родском саду) пришла в ветхость. Идя навстречу духовным потребностям хабаровцев (так называли тогда местных жителей), Андрей Федорович за собственный счет построил деревянную церковь во имя святого Иннокентия (1868 г.), которую в 1898 году заменили на каменное здание, существующее до сих пор и возвращенное ныне церкви. Как человек христианского благочестия и преданный православной вере, Андрей Федорович Плюснин 16 лет состоял церковным старостой, с 1864 по 1880 гг. В обязанности церковного старосты входило: ведение приходно-расходных книг, поддержание, обновление и пополнение ризницы и церковной утвари, покупка по указанию причта церковного вина, просфор, свечей, ладана, богослужебных книг, продажа восковых свечей, сбор скромных пожертвований прихожан в церковный кошелек, прием всякого рода сумм, вкладов и приношений, наблюдение за состоянием церковных зданий, оград, могил, памятников, наблюдение за состоянием иконостаса.

В 1883 г. в Хабаровке приступили к постройке каменного храма во имя Успения Божьей Матери. Но история строительства этого храма имеет интересное начало еще с 1876 года. При Хабаровской Иннокентьевской церкви 15 июня на собрании приходского попечительства слушали Указ Камчатской духовной консистории от 30 марта 1876 г. о том, что неизвестным благотворителем на имя Иркутского архиепископа пожертвована сумма в 15 тыс. рублей серебром на предмет построения в селении Хабаровка каменной церкви во имя Успения Божьей Матери. Жертвователю поставил условие начать строительство, когда сумма вместе с процентами и другими пожертвованиями составит не менее 40 тыс. рублей. Для сбора добровольных пожертвований выбрали купца 1-й гильдии Андрея Федоровича Плюс-

нина на один год. В постановлении собрания записали: "Просить Камчатскую Духовную консисторию выдать на имя вышеозначенного г. Плюснина сборную книгу для пожертвований." Эти документы хранятся в РГИА Дальнего Востока. Средства на строительство храма собирали всем миром "по отсутствию в крае богатых людей". Финансовую помощь строительному комитету оказывал военный губернатор Приморской области Иосиф Гаврилович Баранов и генерал-губернатор Восточной Сибири Дмитрий Гаврилович Анучин. В марте 1885 г. Святейший синод выделил 16 тыс. рублей, 1 тыс. руб. пожертвовала императрица Мария Федоровна, такую же сумму выделил иркутский купец Арсений Петрович Брянцев. Не остались в стороне и хабаровские купцы (Плюснины, Хлебниковы, Пьянковы, Рафаилов). Были также сотни безымянных жертвователей: крестьяне, мещане, военные.

Андрей Федорович Плюснин не дождался до того момента, когда трудное дело постройки каменного храма было завершено. Его младший брат Василий Федорович Плюснин был преемником не только в торговом деле. Он также свято и добросовестно с 1882 по 1896 гг. исполнял обязанности церковного старосты Иннокентьевской церкви, а затем старосты Градо-Хабаровского Успенского собора с 1887 по 1903 гг. При постройке его заведовал хозяйственной частью.

За заслуги по духовному ведомству, за службу с усердием в должности старосты в течение трёх трехлетий в 1888 г. Василий Федорович Плюснин был пожалован золотой медалью на Станиславской ленте для ношения на шее. Камчатским епархиальным начальством ему было разрешено носить мундир IX клас-

Василий Фёдорович Плюснин — церковный староста Иннокентьевской церкви, затем Успенского собора с 1882 по 1903 гг.

Деревянная церковь имени Святого Иннокентия.

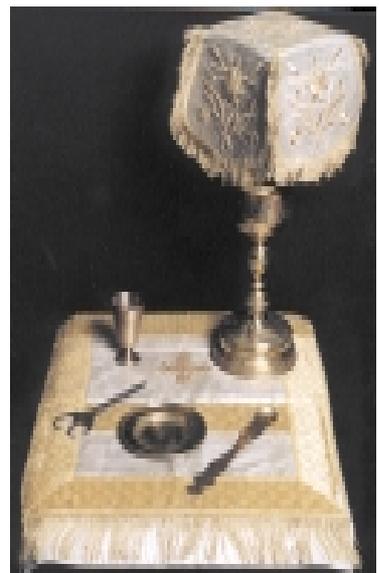
са, установленный в духовном ведомстве, и по оставлении им должности церковного старосты. В 1892 г. опять же за службу по духовному ведомству он был пожалован золотой медалью с надписью "За усердие" для ношения на шее на Владимирской ленте.

В 1896 г. Василий Федорович Плюснин, купец 1-й гильдии, заказал для Хабаровского Успенского собора икону "Албазинской Божьей Матери" (предположительно в Санкт-Петербурге). Это одна из немногих икон, которая после варварского разрушения собора уцелела и попала в краеведческий музей в 1930 г. На обратной стороне иконы сохранилась металлическая табличка:

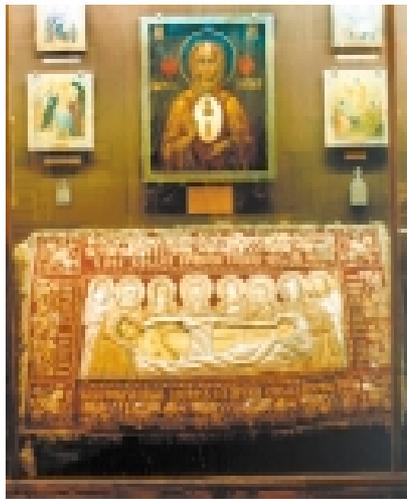
"Сию святую икону пожертвовали Хабаровскому Успенскому собору Василий и Евгения Плюснины. 1896 г. Февраль 15 дня. Помжни нас, Господи, всегда приидеши во царствие Твое. Аминь".

Образ Богородицы любили на Руси. Иконы Божьей Матери получали название по месту особой распространенности или прославления — Казанская, Владимирская, Смоленская, Тихвинская и др. Икона "Албазинской Божьей Матери" названа по имени первого русского поселения на Амуре. Это прославленная русская икона, именуемая "Слово плоть бысть". Написана икона на доске. Одежды Богоматери писаны золотом. Изображает она чревоношение Богомладенца. Богоматерь изображена в пояс, прямо. Руки ее как бы поддерживают стоящего впереди нее в полный рост Богомладенца. По обеим сторонам лица Богоматери — два шестикрылых серафима.

Древнерусской орфографией на иконе обозначено: "Матери Иисуса Албазинской Пресвятой Богородице". Великий мастер-иконописец средствами живописи

Предметы св. Таинств: крещения, причастия, покаяния и др.
Фото В. Токарского.

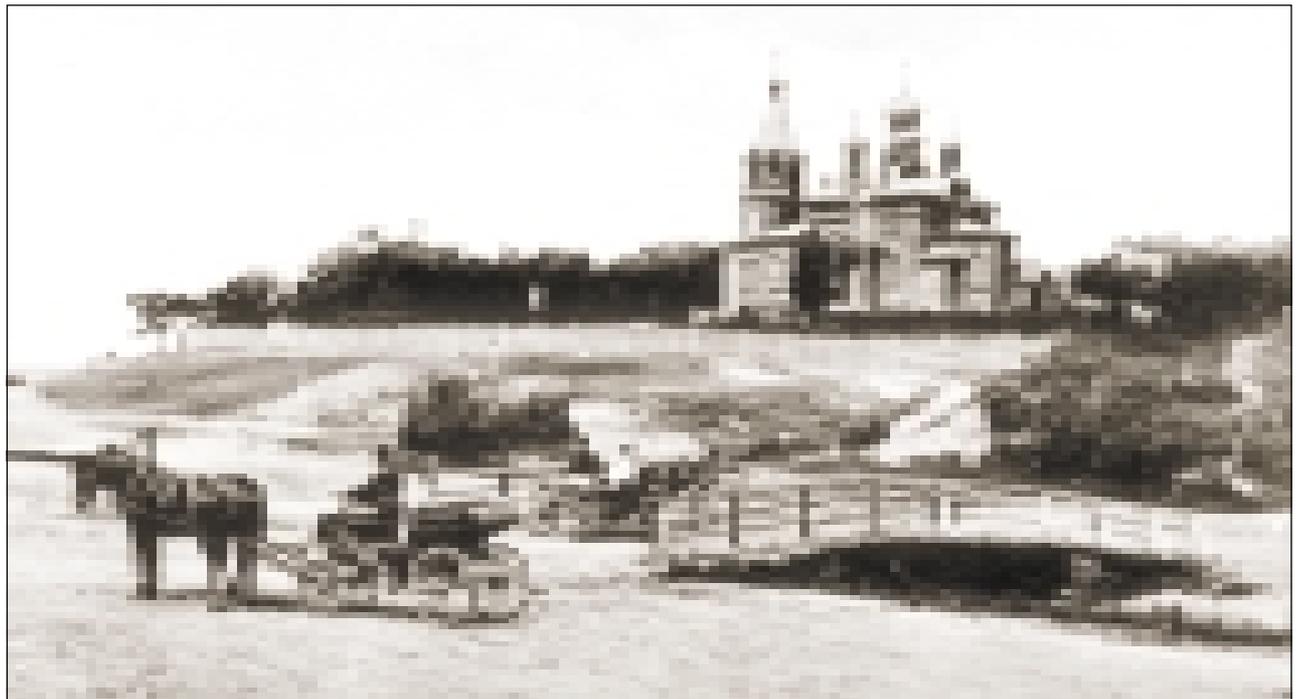
Плещаница. (Экспонат ХКМ).

сумел соединить лучшее, что несет в себе женское начало, — материнскую любовь и чистоту. Художник так внимателен к образу Богоматери, к линии, силуэту, передает гибкость, певучесть. В иконе господствует сияющий, яркий, чистый цвет. Гармонии подчинено все изображение в целом, нимб вокруг головы, золотой фон — символ вечного света, в котором пребывает Бог. Икона как бы посылает свет изнутри и с ним божественную энергию. М. Ю. Лермонтов называл Богоматерь “Теплой заступницей мира холодного”. Философ Е. Трубецкой говорил, что иконописцы “не в словах, а в красках и образах” размышляли о смысле жизни, несли ответы на те извечные вопросы бытия, о которых мучительно и напряженно размышляет и человек современный. Иконе Божьей Матери доверяли и собственную судьбу, и судьбу своих близких. Они украшали не только храмы, но и каждый дом, каждую семью православного христианина.

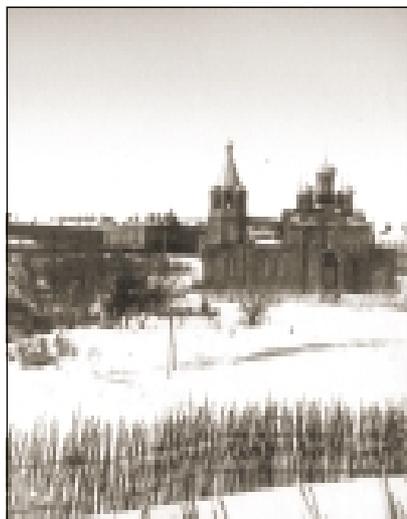
Названием иконы служат слова из Евангелия от Иоанна: “В начале было Слово... И Бог был Слово... И Слово плоть бысть” (Слово стало плотью). Это выражение имеет следующее толкование. “Слово — Иисус Христос как воплощение Бога и одновременно Сын Божий, ставший плотью, вочеловечившийся в Богоматери.” Называли эту икону также “Знамением”, т. к. по изображению она близка к этому типу Богоматери.

Место и дата создания иконы точно не установлены. Известно, что она почиталась чудотворной еще до принесения ее в Приамурье.

История иконы “Албазинской Божьей Матери” тесно связана с важнейшими эпизодами открытия и освоения Приамурья русскими людьми.

Иннокентьевская церковь, 1898 г.

**Иннокентьевская церковь,
1900-е годы.**

Нашей хабаровской иконе “Албазинской Божьей Матери”, именуемой “Слово плоть бысть”, чуть более ста лет, но история ее тянется от XVII века.

Зимой 1665 — 66 гг. после расправы над илимским воеводой Обуховым на Амур прибыла группа казаков во главе с Никифором Черниговским. На месте городка даурского князя Албазы был основан Албазинский острог. “Для исправления церковных треб” Черниговский насильно увел на Амур иеромонаха Гермогена, основателя Усть-Киренского монастыря в Сибири. Гермоген и принес с собой икону Божьей Матери “Слово плоть бысть”.

В 1671 г. недалеко от острога, в урочище, Гермоген основал небольшой монастырь во имя Спаса, куда и была помещена икона, получившая с того времени название Албазинской.

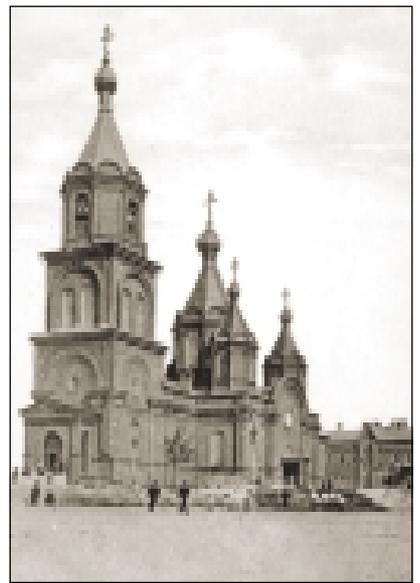
Летом 1685 г. маньчжурская армия пыталась взять Албазинский острог. Приступ был отбит дорогой ценой — казаки потеряли убитыми сотню человек. По совету Гермогена руководивший обороной воевода Толбузин вступил в переговоры с маньчжурами, выговорив защитникам крепости право беспрепятственно покинуть Албазин. Уходя с Амура, Гермоген оставил икону в Сретенске, а сам вернулся в Киренск, где скончался в 1690 г. и был похоронен в основанном им монастыре.

В 1854 г. по Амуру прошел первый слав войск, положивший начало присоединению Приамурья к России. Икона “Албазинской Божьей Матери”, широко известная среди жителей Забайкалья, стала свидетельницей этого выдающегося события. Участник сплава Н. Свербеев, вспоминая экспедицию, писал: “На берегу, на

поляне, стоял небольшой стол, покрытый скатертью, на нем — икона Божьей Матери (из Албазина), которую местный священник благословил нас”.

В 1868 г. руководителем Камчатской епархии был назначен преосвященный Иннокентий Вениаминов. Следуя на жительство в Благовещенск, центр Камчатской епархии, он привез туда икону “Албазинской Божьей Матери”. По его заказу для иконы была изготовлена серебряная риза с надписью: “Сия Албазинская икона Божьей Матери принесена из Сретенска в Благовещенск преосвященнейшим Вениамином, епископом Камчатским и Алеутским в июне 1868 г. при первом вступлении его в епархиальный город. Икона была помещена в кафедральный собор Благовещенска”.

К началу XX в. икона стала очень популярной. Из разных мест Приамурского края стекались ее почитатели. Из дальних приходов поступали общественные приговоры с просьбой прислать к ним икону. Преосвященный Никодим, желая укрепить влияние православной церкви в районах, обратился в Святейший синод с ходатайством о разрешении изнесения иконы из Благовещенска. С 1902 г. икона ежегодно проделывала длинный путь. Начинался он торжественно: к кафедральному собору подходили крестные ходы от всех церквей города. Из собора выносили икону, установленную на специальные носилки, украшенные хоругвями. Затем икону водружали на пароход, украшенный живыми ветками, и начиналось ее путешествие по Амуру. Толпы верующих сопровождали икону, ее переносили от деревни к деревне, заносили в дома крестьян. Среди верующих ходили многочисленные легенды о чудесах, творимых иконой. Одна из них:

Собор Успения Пресвятой Богородицы, 1910 г.

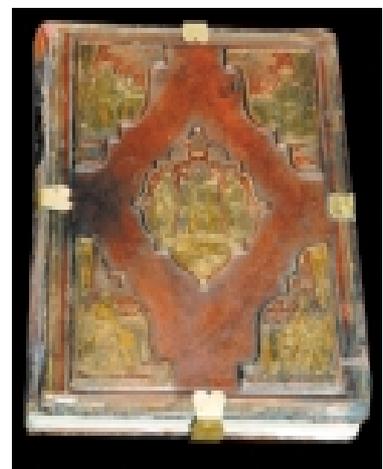

Крестный ход по ул. Муравьево-Амурской, 1894 г. Фото Э. Нино.

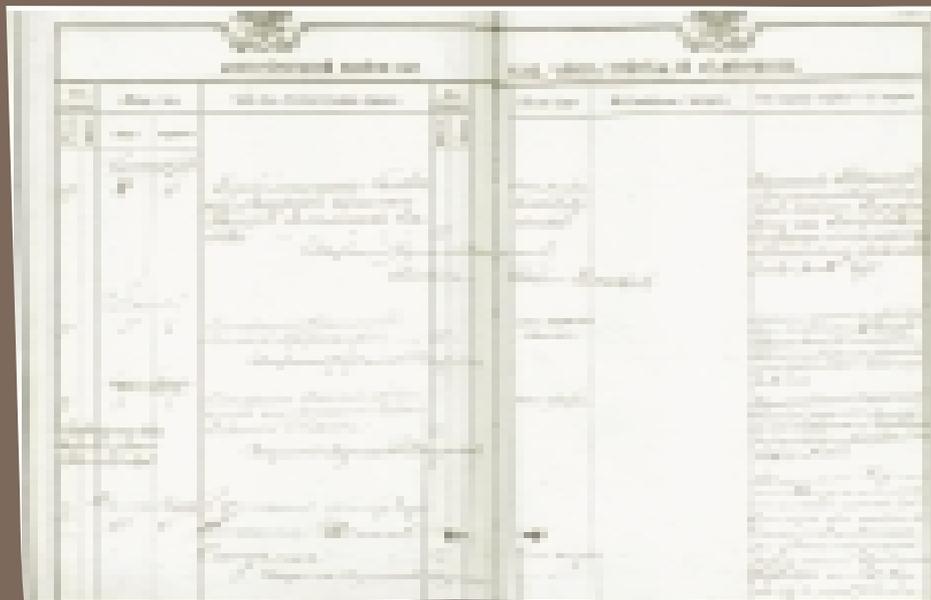
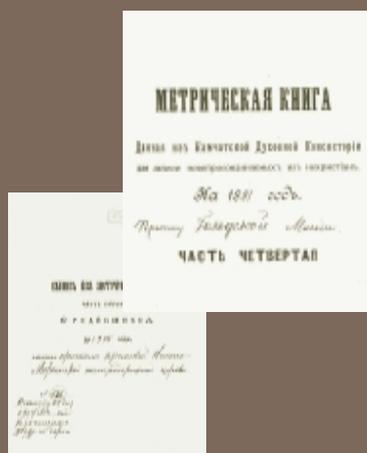
в поселке Бабстово Михайло-Семеновского прихода несколько лет был падеж скота от сибирской язвы. В 1889 г., когда эпидемия достигла наибольших размеров, казаки обратились к епархиальному руководству с просьбой прислать к ним икону “Албазинской Божьей Матери”. С иконы сняли копию и послали ее в поселок Бабстово. Сибирская язва там прекратилась. Так как икона изображает чревоношение Богомладенца, считалось, что особенно она помогает беременным и роженицам. Были случаи спасения иконой от эпидемий, стихийных бедствий, военной угрозы. Последний раз чудотворная икона “Албазинской Божьей Матери” совершила путешествие на теплоходе “Миклухо-Маклай” по Амуру от Благовещенска до Николаевска-на-Амуре, повторяя путь первых амурских сплавов (1854 — 1858). Побывала икона и в Хабаровске. 28 мая 1997 г., в год 200-летия основателя Благовещенской епархии святителя Иннокентия, состоялся крестный ход с чудотворной иконой “Албазинской Божьей Матери” от пристани Хабаровск по улице Муравьево-Амурской.

Икона “Матери Иисуса Албазинской Пресвятой Богородице”, заказанная в 1896 г. В. Ф. Плюсниным для Хабаровского Успенского собора, это список с иконы благовещенской. Говоря современным языком, это копия, но не копировальной машины, а написанная иконописцем (к сожалению, неизвестным, предположительно Санкт-Петербургской школы).

Купцы Плюснины — выходцы из забайкальского села Батурино, где была особо почитаема эта чудотворная икона.

Церковная книга. (Экспонат ХКМ).

Елена БАКШЕЕВА,
научный сотрудник Госархива Хабаровского края

В строгом понимании метрическая книга — это совокупность хронологических записей о рождении, браке и смерти по установленной форме. Первое законодательное постановление в России о ведении приходскими храмами записей о крещении и погребении православного населения Москвы относится к 1702 году. Повсеместное ведение метрических книг духовным ведомством началось в 1722 году по указу Петра I и продолжалось до 18 декабря 1917 года, когда согласно декрету ВЦИК и СНК "О гражданском браке, детях и о ведении книг актов состояния" перешло к государству.

ТАИНСТВА РОЖДЕНИЯ, БРАКА И СМЕРТИ НА СТРАНИЦАХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ

В Госархиве Хабаровского края хранятся метрические книги многих православных церквей Дальнего Востока. Самые ранние из них созданы в середине XIX века. В этих уникальных документах содержится богатая и разнообразная историческая информация. Так, по названиям и записям в метрических книгах можно проследить процесс возникновения первых православных церквей, появление постоянных церковнослужителей. В Хабаровске — это церкви Святой Марии Магдалины, Иннокентьевская приходская. Среди известных нам священников, служивших здесь, имена П. Громова, А. Протодиконова, И. Гомзякова и другие. Именно эти люди кропотливо и скрупулезно от руки заполняли страницы метрических книг.

Согласно установленному порядку книги вели в двух экземплярах: один хранился в приходской церкви, а другой сдавался в духовную консисторию. Записи производили сразу после совершения акта, а на их основании выдавали метрические свидетельства — выписи.

Листая страницы метрической книги, мы видим, что она состояла из трех частей: "О родившихся", "О бракосочетавшихся" и "О умерших". Запись о родившихся включала даты рождения, крещения и имя новорожденного, которое давали по святым. Иногда указывали, в честь какого святого дано имя и когда следует праздновать именины. Кроме того, в первую часть книги вносили данные о родителях крестившегося. Об отце: фамилию, имя, отчество, звание (например, военный инженер штабс-капитан) или принадлежность к сословию (купец, мещанин) и другие. У инородцев указывали национальность. А вот о матери ребенка сообщали немного: имя, отчество, а также, является ли она законной женой. Обязательной считалась пометка о вероисповедании родителей. Все записи делались по предъявлении документа о браке. Если на момент крещения такого документа не было или родители младенца не состояли в освященном церковью браке, то под нареченным именем ребенка подписывали "незаконнорожденный".

Когда крестили взрослого человека, его родителей не упоминали. В метрическую книгу записывали прежнее и новое имя

крещеного, если ранее он был язычником, иудеем, мусульманином. Если крестившийся принадлежал к христианской конфессии, то ему оставляли прежнее имя. В метрической книге Успенского собора за 1896 год можно прочитать: “Присоединен через Святое Миропомазание к святой Православной Кафолической восточной церкви... Корнилий Александров Субботин — старообрядческого раскола безповповского толка 27 лет с оставлением прежнего имени в честь Святого Священномученика Корнилия — сотника, память которого празднуется 13 сентября”.

Просматривая метрические книги, можно сделать вывод, что довольно охотно вступали в лоно православной церкви корейцы. Самые первые из них приняли святое крещение в конце 60-х годов XIX века. Процесс перехода корейцев в русское подданство был тесно связан с принятием ими православной веры. Также активно принимали православие и китайцы. При этом обязательной была запись, подтверждающая их желание присоединиться к православной кафолической церкви.

В первой части “О родившихся” регистрировали также усыновление (удочерение). Например, в метрической книге Успенского собора за 1895 год есть запись о том, что “именным Высочайшим указом, данным правительствующему Сенату в 26 день апреля 1901 года, Всемилостивейше повелено воспитаннику коллежского ассесора Николая Кесельмана, сыну коллежского ассесора малолетнему Порфирию Когутину принять взамен его настоящей фамилии фамилию Николая Кесельмана и вступить по отношению к нему во все права и обязанности детей усыновленных”.

Следующей по важности и ценности содержащейся информации первой части книги можно назвать графу о восприемниках (крестных родителях) с подробными сведениями о них. Как правило, восприемников было двое: мужчина и женщина. Если восприемницей крещеного была замужняя женщина либо девица, проживающая в семье, в тексте делали ссылку на её мужа или отца. Например, дочь софийского мещанина Сидора Губанова девица Ирина. Последняя графа “Рукоприкладство по желанию” до конца XIX века практически всегда оставалась незаполненной по причине неграмотности населения.

Вторая часть метрической книги озаглавлена так: “О бракосочетавшихся”. Сюда вписывали данные о жене и невесте, указывали возраст, вероисповедание, какой брак по счету. О женихе они были довольно подробными: чин, звание, социальное состояние, гражданское положение и другие. Например, сын урядника Уссурийского пешего казачьего батальона. О

вступающих в брак женщинах чаще сообщали их гражданское состояние: дочь статского советника, вдова-крестьянка, дочь казака и т.п. Во второй части тоже была графа о восприемниках (свидетелях) бракосочетания, сведения о которых также достаточно подробные. Их было по двое и со стороны жениха, и со стороны невесты. Часто восприемником приглашали купца первой гильдии, церковного старосту А. Ф. Плюснина. Этот уважаемый человек всегда был почетным гостем во время совершения церковного таинства.

Разводы в те времена были редкостью. Церковь разводила людей неохотно, иной раз наказывая за развал семьи. Так, Указом Благовещенской Духовной консистории расторгнут брак с дозволением Андрею Никитину вступить в новый брак и разрешением его жене также вступить в новый брак, по выполнении семилетнего церковного покаяния.

Третья часть, в которую заносили сведения об умерших, — заключительная в метрической книге. В ней указывали день смерти и погребения, имя, отчество, фамилию, чин, звание, возраст, причину смерти, а также кто и как совершал отпевание (заочно отпет, лично отпет) и, если было, то номер докторского свидетельства (удостоверения). Когда умирал ребенок, записывали сведения об его отце, а если ребенок был незаконнорожденным — о матери. В метрической книге называли и место погребения. Обычно хоронили на общем кладбище. Права быть похороненным в ограде церкви удостоивались только священнослужители или люди, многое сделавшие для церкви. Представителей коренных народностей хоронили в их стойбищах. В результате сведения об умерших заносили в ежегодную ведомость, где с интервалом в пять лет (а для детей в пять месяцев) указывали их количество и причину смерти.

Когда церковь вела миссионерскую деятельность, заполнялась четвертая часть метрической книги — “О новоприсоединяемых из нехристиан”. Ее вел священник-миссионер, записывая данные об абorigенах, принявших христианство: день и месяц крещения, национальность, принадлежность к роду, имя до и после крещения, возраст. В вышеназванной части есть сведения о восприемниках. Иногда восприемник был один, иногда одни и те же восприемники присутствовали при нескольких крещениях. Интересно, что в 1878 году с инспекцией в Гольдскую миссию приезжал Епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский Мартириан. Об этом есть запись в метрической книге, так как он в течение некоторого времени был восприемником при крещении. Новоприсоединившимся священник выдавал

крестильную рубашку, тесьму для креста, крест, икону и об этом делал подробную запись в книге. В сводных ведомостях учитывал, сколько человек приняло христианство по “собственному вызову” (желанию), сколько по убеждению священника, а сколько по малолетству. Анализируя данные метрических книг Гольдской миссии, иллюстрирующих процесс принятия православия коренным населением Дальнего Востока, можно увидеть, что начиная с 1871 года процесс обращения в православную веру шёл особенно активно. С 1878 года он начал ослабевать. Видимо, большая часть гольдов (нанайцев) была присоединена к православной церкви.

Завершая краткую характеристику структуры и основного содержания метрических книг, остаётся добавить, что в силу разных причин к метрическим книгам присоединяли и дополнительные документы. Это подписки новоприсоединенных к лону церкви с обязательствами не отступать от православной религии, рапорты чиновников с сообщением обстоятельств гибели людей и др. Все это дает нам дополнительные сведения о тех, кто жил на дальневосточной земле более ста лет назад. Кроме того, по метрическим книгам можно проследить, из каких губерний преимущественно приезжали на Дальний Восток переселенцы в конце XIX — начале XX веков, каких они были сословий, чинов, званий, где и кем работали. В книге Иннокентьевской церкви за 1877 год отражен тот факт, что восприемниками при крещении были и “артиллерийской крепостной команды бомбардир”, и “безсрочно отпускной №1 батальона линейного Восточной Сибири”. А также имена офицеров, мещан, почетных граждан, купцов, казаков и многих других прихожан.

Для сотрудников архива, исследователей и заявителей самое главное то, что этот документ является работающим. Продолжают поступать запросы об уточнении и подтверждении даты рождения, родства, национальности по метрическим книгам. Обращаются с просьбами подтвердить социальное положение или звание родственников. Так, Г. А. Григорович, внучка лютеранина М. Х. Г. Мартенса, обратилась в архив с просьбой подтвердить, что он являлся Почетным гражданином и был отпет в православной церкви. Иногда по метрическим книгам приходило исполнять генеологические запросы, помогать Инюрколлегии находить наследников богатых эмигрантов. Поэтому для облегчения работы поиска и обеспечения сохранности документов с 1999 года в Госархиве Хабаровского края началась работа с компьютерной программой “Метрическая книга”.

СВАДЬБА НАНАЙЦЕВ В ПРАВОСЛАВНОМ ХРАМЕ

Татьяна Мельникова,

заведующая отделом этнографии Хабаровского краеведческого музея им. Н. И. Гродекова

Газета «Приамурские ведомости» 28 сентября 1897 года поместила на своих страницах заметку следующего содержания: «21 сентября, в прошлое воскресенье, в Успенском соборе, происходило бракосочетание гольда из стойбища Джонжа и гольдячки из стойбища Агмейбиша. На это торжество прибыл в Хабаровск, на лодках, целый поезд гольдов, разряженных в свои яркие, пестрые и весьма красивые костюмы; нужно сказать, что гольды, вообще отличаются весьма большим вкусом и их узоры на костюмах, шитые шелком и золотом, весьма изящны – Бракосочетание происходило после литургии, на которой присутствовал г. Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской.

Конец XIX века.

Его Высокопревосходительство прослушал и обряд венчания, по совершении которого благословил новобрачных иконой, принесенной из генерал-губернаторского дома. Благословя молодых, господин главный начальник высказал им благопожелания и вместе с тем, обратившись к гольдам-поезжанам, выразил свое удовольствие по поводу того, что они, гольды, бросают свои языческие обряды и начинают воспринимать не только веру, но и обряды, и обычаи русского народа.

Однако насколько верен вывод С. М. Духовского? Христианству на Руси более тысячи лет, а мы до сих пор верим в домовых, леших, русалок... Возможно ли менее чем за 50 лет отказаться от верований, за которыми тысячелетняя история? На первый взгляд оптимизм генерал-губернатора разделяют метрические книги Гольдской миссии. Перелистаем некоторые из них. Вот запись от 27 марта 1871 года. **«Софийского округа, деревни Дондон, рода Бэльдэ, гольд Туку, по отцу Хойта в святом крещении наречен Гавриил. 38 лет. По собственному вызову. Миссионер священник Александр Протодыяконов.»**

24 мая 1881 года.

«Приморской области Софийского округа деревни Бичу (на устье реки Горин) гольдячка Меданьчи по отцу Мосоло, рода Киле во Святом Крещении наречена Ирина. 20 лет. Сын ее в Святом Крещении наречен Димитрий. 2 мес.»

2 октября 1886 года.

«Приморской области Софийского округа деревни Полоха крещенного гольда Иова Гоянка жена гольдячка в язычестве Одонка, по отцу Кушка, во святом крещении наречена Мария. 17 лет. Сын ее в язычестве Кушка, в святом крещении наречен Иоанн. 6 мес.»

В 1881 году Болонской гольдской миссией были обращены из языческой веры в христианскую три женщины по собственному желанию, трое мужчин и четыре женщины по убеждению, 18 детей мужского пола и 20 женского по малолетству, всего 47 человек. Следует сказать, что убеждение словом божьим не было единственным методом работы с язычниками Приамурья. Православные священники уничтожали изображения духов — сэвэнов, отбирали у шаманов культовые атрибуты, препятствовали выполнению ими ритуальных действий. Отец Симеон Петрологинов едва не погиб при попытке остановить лечебное камлание нанайского шамана. Газета «Приамурские ведомости» так описала этот случай из практики священника: **«В одном из гольдских станов отец Симеон застал больную, которую лечил заклинаниями шаман. Недолго думая, священник прогнал шамана и разбил в куски идолов.»**

Этот смелый поступок вызвал неописуемый гнев гольдов, которые уже хотели было поднять его на ножи, да спас случившийся здесь переводчик.»

Что лежало за «собственным желанием» нанайцев, ульчей, нивхов, орочей, удэгейцев принять христианство?

По мнению действительного члена комитета Общества изучения Амурского края К. Д. Логиновского, причина заключалась в тех подарках, которые вручали миссионеры новообращенным. Об этом свидетельствуют записи в метрических книгах. Так, упоминаемым выше нанайцем Туку Бэльдэ, нареченным Гавриилом, были получены «1 крест, 1 аршин тесьмы, 1 рубашка, 1 икона»; нанайкой Меданьчи (Ириной) Киле и ее двухмесячным сыном — «2 креста, 2 аршина тесьмы, 2 рубахи, 2 пояса». Нанайке Одонке (Марии) Гоянка и ее грудному сыну Кушке-Иоанну были выданы «1 икона, 2 сорочки, 2 пояса, а крестиков не выдано за неимением». Бесплатное получение рубахи, а также тесьмы, пояса при крещении привлекало представителей коренных народов Приамурья, ибо даже в начале XX в. стоимость рубахи в населенных пунктах равнялась 50 коп., а в тайге у разъездных торговцев достигала 3 рублей, при покупке же в расрочку цена возрастала.

Миссионер священник Петр Ляхоцкий в один год с Приамурским генерал-губернатором дал неутешительную оценку многолетней деятельности Доле-Троицкого миссионерского стана: **«Гольды, как и в прежние годы, относятся к делу миссии сочувственно, хотя, к слову сказать, они в христианстве и его служителях больше видят защитников их от китайцев. В своей жизни, привычках, нравах, быте семейном гольды почти не изменились, в сравнении с прошлыми годами, ...те же суеверия.»** При этом, приезжая в русские селения, нанайцы не обходили стороной храм. **«Стоят чинно и возлагают на себя знамение»,** — отмечал тот же Петр Ляхоцкий. Но это не свидетельствовало об их глубокой христианской религиозности. Как анимисты, наделявшие окружающий мир живой энергией и видевшие духа-хозяйина за каждой конкретной частью этого мира, в каждом конкретном его проявлении, они считали, что дополнительная помощь русских святых не повредит охоте или рыбной ловле, возможно, даже повысит вероятность удачи. Кстати, показательны в этой связи удэгейские названия православных нательных крестов — «русский медный сэвохи» и священника — «клоца самани» — русский шаман. Нанайцы называли православные иконы, нательные кресты «сэвэки» от «сэвэ» — «дух и изображение духа».

Сведений об освящении брака в метрических книгах Гольдской миссии

крайне мало, но все-таки встречаются.

14 июня 1878 года миссионер священник Михайлово-Архангельской Приморской церкви Симеон Петров Петрологинов сочетал браком крещеного 19-летнего нанайца Василия Шулинга и крещеную Анну Борго 21 года из селения Кеорты на реке Амгунь. «Поручителями» жениха были николаевский купец второй гильдии Георгий Семенов, невесты — крестьянин селения Больше-Михайловского Матвей Максимов Вершинин.

В заключение более подробно опишу традиционные костюмы нанайских молодоженов, которые в 1897 году журналист «Приамурских ведомостей» охарактеризовал как «яркие, пестрые и весьма красивые». И воспользуюсь при этом воспоминаниями Людмилы Чебовны Бельды, очевидицы «необыкновенной свадьбы», сыгранной в апреле 1948 (или 1949) года по старым нанайским традициям.

«Невеста Лида была с верховьев Амра (фамилию ее не помню, может быть, Гейкер), жених — Саша Дигор, это значит низовские нанайцы». Он был одет как охотник: на голове маленькая шапочка без султана из хвостика пушного зверька, наголовная накидка, ниспадающая на плечи, на плечах куртка из тяжелого (парчового) шелка с равными полочками и отделкой вокруг шейного выреза, как круглый воротник. Стан перехвачен красивым поясом, на который подвешены нож в ножнах и сумочка «паду». На ногах — наголенники и обувь с длинными голенищами, закрывающими большую часть бедра. Все части костюма были богато орнаментированы — «расписные», по словам Людмилы Чебовны. Про голенища обуви моя собеседница сказала: «вышитые до верха».

Невеста поражала красотой и богатством своего костюма. Она была в нескольких халатах, верхний «сикэ» — необыкновенный: «до пят», украшенный древами жизни. **«Если не было этого древа жизни на свадебном халате невесты, то, по преданиям нанайцев, женщина не имела будущего»,** — заметила Л. Ч. Бельды. На шапке, опушенной мехом рыси, развевались красные ленты. **«Красивые наголенники, вышитые до бедер, — вспоминала Людмила Чебовна, — мы увидели, когда невеста поднималась на сани с приданным и приподняла при этом полы халата. На обуви из натуральной замши были гладью вышиты узоры: создавалось впечатление, что только пятки не вышитые.»**

Традиционная нанайская свадьба Александра и Лидии Дигоров стала далеким прошлым, но восприимчивая детская память навсегда сохранила образы жениха и невесты.

Воспитанники приюта. Харбин,
20 - 30-е годы

ХАРБИНСКИЙ ДОМ МИЛОСЕРДИЯ- ПРИУТ ДЛЯ НЕПРИКАЯННЫХ ДУШ

Лидия ВАРАКСИНА,
заместитель директора Госархива Хабаровского края

Архиепископ Нестор

Храня верность традиции милосердия, церковь и в изгнании стремилась помогать бедным и обездоленным. Харбинская Россика – убедительное тому свидетельство. О благотворительной деятельности Харбинской епархии рассказывают документы Харбинского комитета помощи русским беженцам и Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

Со всех уголков огромной России в Харбин стекались тысячи бывших ее граждан. Уезжали на месяцы, в крайнем случае на несколько лет, но оказалось – на всю жизнь, на долгие мучительные годы тоски и скитаний по всему свету. Среди эмигрантов были промышленники, купцы, чиновники, потерявшие свое состояние с приходом большевиков, интеллигенция, не признавшая новой власти, борцы за идею. Но были и те, кто совершенно случайно оказался на чужбине. Далеко не многим из них удалось привезти с собой материальные ценности, имущество, поэтому основная масса беженцев оставалась нищей. В Харбине, «и ранее принимавшем в себя пришлых людей, для этой последней крупной русской волны не оказалось ни работы, ни внимания...» Все это вызывало необходимость немедленного создания таких объединений, которые могли бы оказать беженцам не только материальную и моральную поддержку, но и помочь им как можно скорее устроить более или менее сносную жизнь, дать кров над головой, накормить. Одним из первых таких объединений в Харбине стал Международный комитет помощи голодающим беженцам, созданный в 1921 году. Его вдохновитель и организатор – викарный епископ Петропавловский и Камчатский Нестор, развернувший с первых же дней приезда в Харбин широкую благотворительную деятельность.

«Вопиющие нужды бедноты, калек, душевнобольных людей, несчастных подростков-наркоманов и детей улицы — сирот вызвали в чутком сердце деятельный порыв Владыки Нестора к организации сначала Патроната, а потом и Дома Милосердия, в коем Владыка сосредоточил впоследствии главным образом свою благотворительную и культурно-просветительную работу», так писали эмигрантские газеты в октябре 1941 года в связи с 25-летием служения в святительском сане Высокопреосвященного архиепископа Петропавловского и Камчатского Нестора, а также 20-летием богоугодной деятельности основанного им Дома Милосердия.

Дом Милосердия не имел постоянных источников дохода и существовал исключительно на пожертвования. Поддержку и внимание Дому Милосердия оказывал Харбинский комитет помощи русским беженцам, позднее — Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), а также наиболее обеспеченные эмигранты. Среди них, например, был походный атаман казачьих войск генерал-лейтенант Г. М. Семенов. В роли попечительниц приюта выступали Е. Н. Литвинова, Е. М. Бринер, княгиня Л. В. Голицына, «навсегда оставившая светлую и добрую память в делах благотворительности», начальница гимназии М. А. Оксаковская, бесплатно обучавшая детей-сирот, председатель Дамского кружка Т. А. Иваницкая, которая учила девочек рукоделию. Нельзя не вспомнить служителей Свято-Скорбященской церкви, «молодых талантливых иноков Обители Милосердия архимандрита Нафанаила, иеромонаха Мефодия, иеродиакона Нила», главу Харбинской епархии Митрополита Мелетия и его викариев: епископов Димитрия и Ювеналия.

Первые годы для Дома Милосердия были особенно трудными. Вот как об этом писалось в брошюре «Дом Милосердия и его основатель Архиепископ Нестор» (1941): «Первое десятилетие благотворительной работы отличалось необыкновенным скоплением, можно сказать, наводнением самых разнообразных тяжелых видов житейского горя и нужды! Сначала влилась бурная волна голодных русских людей, устремившихся из голодной России на благодатные мирные поля Маньчжурии. Приходилось в громадном количестве изыскивать одежду, белье, обувь для оборванных и голых беженцев. Одновременно надо было устраивать для них теплый угол, изыскивать работу, устраивать на службу и кормить горячей пищей. Тогда епископ Нестор объединил при храме множество русских добросердечных женщин, создал Сестричество, разделил их труд и работу по разным отраслям. Для питания беженской бедноты Владыка организовал столовую при Иверской церкви, затем и на Зеленом базаре, а впоследствии и на пристанском базаре. При Сестричестве был образован склад, куда со всего города собиралась одежда и обувь и по обследованию бедноты раздавалась нуждающимся. Для спасения наводнивших город подростков-наркоманов Владыка при содействии властей собрал в одну ночь широкой облавой на улицах Харбина 46 мальчиков и молодых людей. Все они были помещены в отведенный специально для них дом, и Владыка Нестор приставил к ним специального смотрителя. Наркоманов ежедневно посещал врач и сам Владыка. В строгой изоляции юноши были постоянно заняты работой на ткацких станках, за чулочными вязальными машинами, типографской работой и уроками закона Божия и морали. Все это, конечно, спасло юношей от тоски и убийственного порока.

Все тяжелые беды и несчастья, павшие на голову русских

беженцев, отразились во многих случаях на их психике, душевном состоянии. Тогда Владыка Нестор организовал Патронат не только для старцев и хроников, но и для душевнобольных... 100 человек хроников и душевнобольных каждый день получали пищу и лечение, имели кров над головой. В 1927 году основатель и руководитель Дома Милосердия получил от Харбинского городского совета официальное благодарственное постановление за принятие в Дом Милосердия душевнобольных (вместо городской больницы), благодаря чему принес 114.000 гоби экономии муниципалитету.

Сухая цифра говорит, что за минувшие годы благотворительной работы в Доме Милосердия пережило свыше 1500 человек хроников и детей обоего пола. Израсходовано собранных Владыкой и друзьями милосердия до 600.000 гоби.

В ограде Дома Милосердия больше нет свободных площадей для

возведения построек, а нужда настойчиво все стучится и стучится в двери переполненного Дома Милосердия, приютившего сейчас 143 человека больных и детей...»

Но не только Домом Милосердия ограничивалась благотворительная деятельность Харбинской епархии. Большую работу проводили Епархиальный Приют — убежище им. Митрополита Мефодия, Благотворительный кружок при Приходском Совете Хайларской Спасо-Преображенской церкви, Церковно-приходское попечительство Св. Алексеевской церкви и др.

Но сколь бы ни была велика нужда в хлебе насущном оказавшихся вдали от Родины людей, духовный голод они зачастую ощущали гораздо острее. Его нельзя было удовлетворить только за счет благотворительной помощи, и здесь также на помощь приходила церковь. Она играла исключительно важную роль для русских эмигрантов в Маньчжурии. Для многих из них возрождение веры являлось единственным источником утешения и внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы изгнания и заполнить пустоту, возникшую после утраты прежних идеалов.

НОНН ПАНОПОЛИТАНСКИЙ: НА ГРАНИ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА

Валентина КАТЕРИНИЧ,
кандидат филологических наук

**Типографский
знак (марка)
Эльзевиров.**

Рис. А. Лепетухина

Начну с личных впечатлений. В аспирантские годы, проведенные на кафедре романской филологии МГУ им. Ломоносова, довелось прочитать только что вышедшую книгу С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» (издательство «Наука», 1977). Для филологов разных специальностей это было настоящее открытие, как, впрочем, и книга Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», вслед которой написал свою книгу С. С. Аверинцев. Творчеству Нонна Панополитанского была посвящена в труде московского ученого глава «Мир как загадка и разгадка». Она надолго заинтересовала меня.

В учебниках по античной литературе фигура Нонна Панополитанского либо не упоминалась вовсе, либо характеризовалась очень кратко. Древнегреческий поэт эпического склада жил в Египте в V веке нашей эры. Написал виртуозными гекзаметрами огромную поэму, состоящую из 28 000 строк и 48 книг, — «Деяния Диониса». В ней описаны рождение, жизнь, триумфальное шествие в Индию и апофеоз Диониса. После своего обращения в христианство Нонн написал стихотворный парафраз Евангелия от Иоанна. Биография Нонна почти неизвестна. Но стиль его произведений, к счастью, доступен наблюдению; и многие поколения литературоведов отмечали его

усложненность, вычурность метафор и иносказаний, многословие. Говорили: это риторика, доведенная до абсурда. И в самом деле, «Деяния Диониса» Нонна далеки от гомеровской «Илиады», хотя по объему могут с ней и поспорить. Логично, что филологическая наука отнесла поэмы Нонна Панополитанского к книжному эпосу, второй классике, к «чистой» литературе, каковой является, например, «Энеида» Вергилия. Но если Вергилий стал спутником Данте в его путешествии по аду, то есть соединяющим звеном между античностью и средневековьем, то о Нонне Панополитанском, который внес христианскую тему в эпос, забыли. Об этом напомнила книга русского филолога XX века.

«Мы не будем задаваться вопросом: хороший ли поэт Нонн? — пишет С. С. Аверинцев. — Весьма возможно, что он в некотором всемирно-историческом смысле слова «дурной» поэт, ибо в нем и через него осуществилось разрушение или деформирование некоторых фундаментальных ценностей античной литературной традиции... Система поэтических установок и приемов Нонна обладает высокой степенью оригинальности и притом неоспоримо логична и последовательна внутри себя. Если перед нами безумие, то такое безумие, в котором, говоря словами Понтия, есть метод... Система эта от-

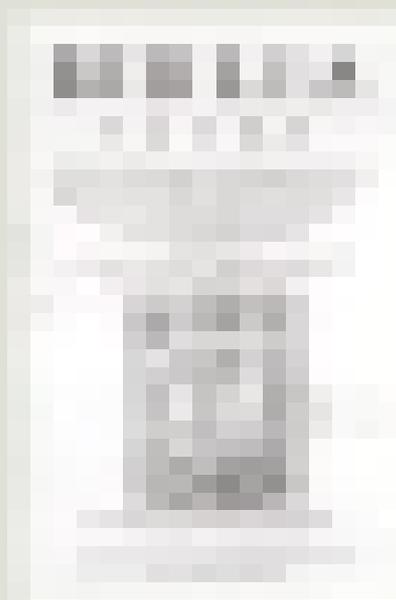
вечала каким-то важным запросам эпохи, о чем свидетельствует ее воздействие на всю грекоязычную гекзаметрическую поэзию V — VI вв.». Цитировать С. С. Аверинцева можно бесконечно, лучше я отошлю читателя к следующей его работе, где анализ творческого наследия Нонна Панополитанского продолжен*.

Вспоминаю, как трудно и интересно было работать с тяжелыми фолиантами в отделе редких книг ленинки, то есть Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Я занималась изучением научного стиля эпохи Возрождения, трактатами на латинском языке (так называемой неолатинской литературой). Эти познания оказались востребованными, когда меня пригласили аннотировать издания на латинском языке, имеющиеся в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки. Так, почти три десятилетия спустя, я снова встретила с Нонном Панополитанским в Хабаровске. Да, справедливо сказано, что книги имеют свою судьбу, но в более точном ва-

* С.С.Аверинцев. Поэзия Нонна Панополитанского как заключительная фаза эволюции античного эпоса. В кн.: Памятники книжного эпоса. Москва, 1978

рианте эта древняя мудрость звучит так: «PRO CAPTU LECTORIS HABENT SUA FATA LIBELLI» («Книги имеют свою судьбу смотря по тому, как их принимает читатель»). Теренций Мавр, римский грамматик).

Итак, целых три издания Нонна Панополитанского: поэма «Деяния Диониса» на древнегреческом языке, 1569 год, издатель Кристоф Плантен, Антверпен; та же поэма «Деяния Диониса» с параллельным переводом на латинский язык, 1605, издатель Вехелианис, Ганновер; и, наконец, книга, посвященная изучению парафразы Нонна на тему Евангелия от Иоанна, автор Даниэль Гейнзиус, тексты на древнегреческом и латинском, издательство Эльзевиров, 1627, Лейден. Эти книги как бы образовали трилогию, и о ней стоит рассказать. Только нужно переместиться опять в другую эпоху — гуттенберговскую. Ведь история полиграфического дела тоже часть истории культуры. С каким интересом мы стали относиться к искусству книги и как ценим эти гравированные титулы, шрифты, заставки и концовки, иллюстрации, переплеты, форматы, типографские марки, экслибрисы. Эпоху Возрождения представляют наряду с такими художниками, как Рембрандт, Гальс, Вермеер Дельфтский и «малые голландцы», еще и мастера первопечатных книг. В 1501 г. книги печатали в 254 городах Европы в 1120 типографиях. Наи-

**«Священное писание»
(в параллельном переводе с древнееврейского на латинский).
Издание Саламанкского университета,
1583 г.**

более известные — издания Мануциев (Италия, XV — XVI века), Этьенов (Франция, XVI век); более 5000 книг насчитывает коллекция голландского издательства Эльзевиров конца XVI — начала XVIII века. Международным языком ученых и студентов был язык Древнего Рима, поэтому и большая часть первопечатных книг Европы написана на латыни.

Во второй половине XVI века ведущими становятся фламандские типографии, особенно антверпенское предприятие Кристофа (Христофора) Плантена, выходца из французского города Тура. В наборных кассах Плантена были лучшие шрифты того времени, выполненные французским художником ле Бе. Удивительный музей полиграфического искусства, дом-музей Плантена на площади Фрайдахмаркт в Антверпене существует до сих пор. Плантену принадлежит инициатива издания особого вида книг, так называемых университетских, с обширным филологическим комментарием, предисловиями, пояснениями и т. д. Университетские книги — это прежде всего издания греческих и римских классиков. В этой серии, очевидно, находится и книга Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» из Дальневосточной государственной научной библиотеки. На титуле заглавие на древнегреческом, а также на латинском, здесь же сообщается, что это первое печатное издание книги из библиотеки Иоганна Паннония, комментарии Герарда Фалькенбурга, обширный индекс. Структура книги обычная для

того времени: оригинал на древнегреческом, научный аппарат на латинском. Титул наборный с типографским знаком в виде циркуля внутри круга, с латинским девизом «LABORE ET CONSTANTIA» («Трудом и постоянством»).

Является ли поэма «Деяния Диониса» языческой? Да, в той мере, в какой она прославляет римскую государственность. Но сам эпос о Дионисе характеризует Нонна как ранневизантийского поэта. Дионис в поэме трижды перевоплощается: как бог-подобие, как бог-призрак и как бог-двойник; тройственность языческого божества странным образом резонирует с христианскими представлениями...

Насколько далек Нонн от классической ясности гомеровского эпоса, свидетельствует и его стиль («поэзия намек и догадки», по С. С. Аверинцеву). Ему свойственно нагнетание множества эпитетов, характеризующих предмет, но сам предмет при этом не называется. Так как полного перевода поэмы на русский язык нет, предложим читателю замечательные фрагменты перевода С. С. Аверинцева из его статьи. Вот фрагмент о «блестящей бронзе», то есть о зеркале:

...Некогда тешилась дева,
поставив блестящую бронзу
Отображенной красы судией,
начертание лика
Этим свидетельством вести
безгласной поверить желая,
Ложный исследуя облик
мерцающей тени в зеркале,
И повторению черт улыбалась
своих, Персефона,
Зрелище, в бронзе своей
возникшее силой, завидев,
Образ обманной себя созерцала
самой — Персефоны...

«Деяния Диониса», кн. V.

Напряженный пафос, таинственность (энigmatичность) эпической поэмы Нонна предвосхищают средневековую символику сакральных текстов, полных несказанного, невысказанного, неисповедимого...

Вернемся к истории книгопечатания, чтобы проследить дальнейшие издания Нонна Панополитанского. В XVII веке центр книгопечатания перемещается из Италии и Франции в Голландию. И здесь первенство принадлежит издательскому и книготорговому делу Эльзевиров, просуществовавшему свыше 130 лет. Основателем династии был Лодевик Эльзевир, ученик Плантена, подмастерье, переплетчик, затем книготорговец и печатник. В истории эльзевир-

**Титульный лист и страница из книги:
Нонн Панополитанский «Деяния
Диониса». Антверпен, 1569. Типограф-
ский знак Христофора (Кристофа)
Плантена.**

ровских книг выделяют лейденский тип изданий (30 — 40-е годы) и амстердамский (50 — 70-е годы). Первый период связан с именами Бонавентуры и Абрагама, а второй — с именами Даниэля и Лодевика-младшего, а также Иоанна Эльзевиров. Книга, о которой пойдет речь, издана в типографии Бонавентуры и Абрагама Эльзевиров, Лейден, 1627. Но автором на титульном листе обозначен Даниэль Гейнзиус, а парафраза (метафраза) Нонна Панополитанского как бы спрятана внутри. Чтобы прояснить ситуацию, приведем полный перевод латинского текста на титуле. Названия трудов в духе времени были весьма подробными. Итак: «Даниэля Гейнзиуса СВЯТОЙ АРИСТАРХ, или Комментарии к переложению Евангелия от Иоанна НОННА». В первой части которых исследуется перевод, во второй — перевод сравнивается со Священным Писанием: в обеих частях объясняются многие места С. Евангелиста. Далее приводятся тексты Нонна и С. Евангелиста; затем три указателя. Один — Сильбургия к Нонну Греческому, другие — к Аристарху; на греческом и на латинском языках...» После этого следует типографский знак Эльзевиров: вяз, увитый виноградом, под ним философ, который срывает виноград. Латинский девиз: «NON SOLUS» («Не одинок»). И то, что мы называем теперь выходными данными.

В книге «Эльзевиры» (Москва, 1975) можно увидеть гравированный портрет Даниэля Гейнзиуса, «библиотекаря и профессора политических наук» (1580 — 1655). Выдающийся голландский филолог, историк и поэт, он на протяжении многих лет сотрудничал с книгоиздательством Эльзевиров. Именно он определил структуру большинства изданий римских классиков. Особое внимание он обращал на текстологическую сторону книги, так что комментарии и справочный аппарат занимали у него не менее четверти объема. Прообразом этого ряда изданий и является комментарий к переложению Нонна, то есть обширный филологический и богословский труд с параллельными текстами на древнегреческом и латинском, со специальными комментариями на латинском. Еще раньше, в 1605 году в Ганновере, вышел в свет латинский перевод поэмы Нонна «Деяния Диониса», выполненный профессором поэзии Ростокской академии Эйлхардом Любином также с параллельными текстами. Эта книга (в ней 1400 страниц), хотя мы говорим о ней в конце, занимает хронологически срединное место в трилогии Нонна Панополитанского.

Титульный лист книги: Даниэль Гейнзиус «Святой Аристарх, или Комментарии к «Переложению Евангелия от Иоанна» Нонна Панополитанского». Лейден, 1627. Типографский знак Эльзевиров.

Титульный лист книги: Нонн Панополитанский «Деяния Диониса». Перевод на латинский язык Эйлхарда Любина. Ганновер, 1605.

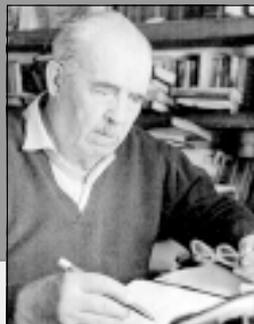
Даже перелистывая страницы этих трех книг, понимаешь, как печатные знаки концентрируют в себе пространство и время. Облик книг, их структура отражают целостный контекст культуры эпохи Возрождения: Кристоф Плантен, Бонавентура и Абрагам Эльзевиры, Даниэль Гейнзиус, Эйлхард Любин. Содержание, то есть оригинальные и переведенные на латынь тексты Нонна Панополитанского переносят нас ещё дальше, в переходную эпоху от античности к Средневековью.

К сожалению, жизнь Нонна Панополитанского, как и его визуальный образ канули в историю. Возможно, что этнически он был коптом, так как жил в египетском городе Хеммисе, который греки называли по-своему — Панополис. Тем не менее эта окраина Римской империи оставалась, как и Александрия, одним из центров древнегреческой культуры, и Нонн Панополитанский для сегодняшнего читателя (исследователя) предстает как древнегреческий поэт на грани язычества и христианства. Вот как он пересказывает евангельский сюжет языком и размером Гомера. Это описание смерти Христа на кресте из XIX книги «Переложения Евангелия от Иоанна». Быть может, прекрасный русский перевод С. С. Аверинцева приблизит Нонна Панополитанского к читателю 2000 года после Рождества Христова.

...Тою порой Иисус, череду неизбежных свершений
В сердце объемя своим и зная,
чему оставалось
Сбыться, конец торопя,
промолвил толпе предстоявшей:
«Жажду!» Уже недалече была
уготована чаша,
Полная уксусом горьким; и некто,
с неистовым духом,
Губку, возросшую в бездне
морской, в непостижимой пучине,
Взял и мучительной влагой
обильно насытил, а после
На острие тростника укрепил и
приподнял высоко;
Так он к устам Государя
приблизил смертельную горечь,
Прямо пред ликом его на шесте
длиннотенном колебля
В воздухе губку высоко и влагу в
уста изливая
Вместо живительных вод и
божественных яств неистленных.
Вот ощутили уста и гортань
горчайшую влагу;
Весь обмирая, он молвил
последнее слово:
«Свершилось!» -
И, преклоня главу, предался
добровольной кончине.

“Жизнь — это подвиг, и недаром в историческом русском народе самые жизненные, самые глубокие люди — подвижники, люди, отдавшие подвигу”. Справедливость этого замечания Вс. Н. Иванова доказывает каждый писатель, обращавшийся к образу Аввакума. “Житие протопопа Аввакума”, написанное в жанре духовного завещания, — первая попытка автобиографии в русской литературе, было одной из самых любимых книг многих русских писателей. Привлекала и художественная красота стиля,

Наталья
ГРЕБЕНЮКОВА,
ХККМ

Вс. Иванов

“жемчужность” языка, и образ самого протопопа — идейного вдохновителя русского раскола, человека недюжинной духовной и физической силы, обладающего

“Наших прадедов Бог по-иному КОВАЛ...”

А. Семёнов

редкой начитанностью, громадной памятью, ярким литературным дарованием.

В. Еращенко

Образ Аввакума в произведениях дальневосточных писателей

Путь Аввакума, расстриженного и проклятого, лежал в “смертоносное место, в Дауры”, через Игрень — озеро, которое расположено на плоскогорье, разделяющем озеро Байкал и реку Амур. Может быть, то обстоятельство, что опальный протопоп был в верховьях Амура, подвигло дальневосточных писателей А. Несмелова, Вс. Иванова, А. Семенова, В. Еращенко на создание оригинальных произведений о нем и его спутнице, которая разделила с ним невероятные трудности ссылки. К ним можно отнести “Протопопицу” поэта “взвихренной России” А. Несмелова.

Пройдя сквозь ад гражданской войны, испытывая разочарования, но отнюдь не исчерпав запас душевных сил, поэт, однако, только в минувшем видел отвагу и доблесть: поэма начинается горькими строчками:

**Наших прадедов Бог по-иному ковал,
Отливал без единой без**

**трещины —
Видно, лучший металл
он для этого брал,
Но их целостность нам
не завещана.**

А. Несмелов называет свою поэму “Протопопица”, тем самым подчеркивая значение образа жены Аввакума. Сжатая экспрессия, сила, жизненная правдивость, интуиция — таковы особенности поэмы, написанной в эмиграции. Поэму А. Несмелова знал и ценил Вс. Н. Иванов. Как и автор “Протопопицы”, он волею нелегкой судьбы оказался в Китае: оба они были участниками великого исхода из Сибири, оба работали во владивостокских газетах, оба эмигрировали. Историка по образованию, учившегося у С. Платонова, стажировавшегося у философов Г. Риккерта и В. Виндельбанда, Вс. Н. Иванова интересовала отечественная история и, в частности, Аввакум, о котором он писал еще в 20-е годы в книге очерков “Огни в

тумане” и в 60-е годы в историческом романе “Черные люди”. По концепции Вс. Н. Иванова, Аввакум исполнил то, что выражено в поэзии Гете:

**И пока у тебя нет этого
“Умри и стань!”,
Ты только унылый гость
На темной земле!**

Гёте так говорил. Протопоп Аввакум так и сделал. Если Гете был для Вс. Н. Иванова “учителем жизни”, то Аввакум воплотил в себе и несломленный дух, и способность на поступок, и такую веру “в жизнь, в свой народ, что, не убоившись смерти, своей волей взошел во имя жизни на костер”. Таких могучих духом, преданных идее людей Вс. Н. Иванов встречал и в жизни: в Харбине он познакомился с попом-старообрядцем И. Кудриным, который в беседе с ним заметил: “Потому мы умны стали, что нас 300 лет били, все наставляли, чтоб мы не думали, а мы думали...”. В работе над образом Аввакума в “Черных людях” писатель, вероятно,

вспоминал об И. Кудрине, наделяя свой персонаж и его чертами.

Наш современник и земляк А. Семенов также обращался к образу неистового протопопа в стихотворении “Аввакум”. Как и А. Несмелова, поэта привлекал тот факт из многострадальной жизни Аввакума, когда, отчаявшись, измученная Настасья Марковна вопрошает супруга: “Доколе терпеть эти муки?”. Протопоп хмуро отвечает: “Марковна, до самой до смерти”. Со смирением, свойственным только русской женщине, протопопица соглашается: “Ин добро, Петрович, побредем”.

Писатели прошлого, наши земляки, восхищались духовной красотой и мощью природы Аввакума, жертвенной любовью его спутницы, желая возродить эти качества в современниках, чтобы завет многовековой русской старины “Сильнее всего в человеке правда и любовь” стал святым для всех.

Арсений НЕСМЕЛОВ
ПРОТОПОПИЦА*

Поэма

**Видь, слышателю: необходима наша
беда, невозможно ее миновать.**

Протопоп Аввакум

I
Наших прадедов Бог по-иному ковал,
Отливал без единой без трещины -
Видно, лучший металл он для этого брал,
Но их целостность нам не завещана.

И потомки - не медь, не железо, а жель
В тусклой ржавчине века угрюмого,
И не в сотый ли раз я беру перечесть
Старый том «Жития» Аввакумова.

Чу, на диких холмах человеческий топ -
Полк стрелецкий к ночлегу торопится.
За стрельцами бредет Аввакум - протопоп
С ясноглазой своей протопопицей.

За двуперстие, за речь, как великий укор,
За переченье Никону тяжкое
Угодил протопоп под начал и надзор
Воеводы, боярина Пашкова.

Тот - царева рука, что и дальше Даур
Из кремлевской палаты протянута, -
Ей подай серебра, драгоценнейших шкур,
Ей и воля, и сила дана на то!

Край и глух, край и дик.
С отошальым стрельцом
Лишь грозою да боем управиться.
А еще протопоп укоряет крестом,
Баламутит, сосет, как пиявица.

II
Для чего накликаешь и пророчить беду,
Коль и так над полком словно зарево!
Может, поп тот и прав, и гореть нам в аду,-
Воля божья, а власть государева!

Заморить бы попа, раздавить, как клопа -
Вот как гневом утроба распарена!
И не знает Пашков - он ярмо для попа,
Или тот - для него, для боярина?

Как скала протопоп. Хоть опять и опять
Воевода грозил и наказывал -
Но ульстить, но унять, под себя ли
подмять
Невозможно сего огнеглазого.

Воевода в возке. Чтобы нарту волочь,
Протопоп с протопопицей пешие.

Растревожил буран азиатскую ночь -
Даже звезды не утешили!

От родного села и до царских палат
И от них - до тюремной до ямины -
Не одним ли он устремленьем крылат,
Обличенья его не на пламени ль?

И топили его, и палили в него,
И под угол бросали избитого,
И сгорит протопоп в купине огневой,
И Россию костер опалит его:

-Всю великую Русь, от гранитных твердынь
Соловецкого края до Каспия,
Где журчащую в жизнь из праотческих
скринь
Веру древнюю, русскую распяли!

Жил как все протопоп - в духоте, в маяте,
В темноте - под тяглом да под приставом,
Но порадоваться он умел красоте,
Усмехался над дурнем неистовым.

Был он смел и умен. И писателем был
Беспощадным для гнили и нечисти,
Огневое перо для себя раздобыл
Без указок риторики греческой.

Он что крепость стоит. Неприступна она
Для упрямого вражьего норова...
У бесстрашного есть Аввакума жена -
Сирота из сельца из Григорьева.

III
Вот бредет она с огнепальным попом,
Опоясана лямкою конскою...
Через двести годов тем же самым путем
Полетят Трубецкая с Волконскою...

Только Марковне злей, непосильнее путь -
В женском сердце что горечи копится! -
Не от лямки одной надрывается грудь,
И насилие бредет протопопица.

Горя долю свою выпьет полно она,
До той ямы подземной, что в Мезени.
Но тебя, протопоп, не оставит жена,
Будь ты в лямке, в битье ли, в болезни ли.

Не от лямки отстать, за супруга бы встать -
Вот тоска и забота привычная,
Только сила не та, только ветер опять
Опрокинул тебя, горемычная!

И за годы невзгод раз лишь сердце
зашлось,
Что-то тут его сжать помешало ей,
Протопопу лишь раз от жены довелось
Слышать робкую женскую жалобу.

И сказала она в той трущобе без троп -
Плач ресницы льдяные разламывал:
«Долго ль муки сии нам нести, протопоп?»
И в ответ он: «До смерти, до самыя!»

Не сурово сказал, со слезами сказал,
Ибо ведал, что ноша та - крестная,
И склонился поднять, и встречались глаза
Их двоих в ту минуту чудесную.

Все жена поняла и сказала: «Добро!
Побредем знать, Петрович, не сетуя!»
Ах как жжет, как горит протопопа перо,
Повествуя из ямы про это вот.

И впряглися опять, чтобы нарту волочь.
Ночь утихла, и звездная, ярка вновь
Все свое серебро стелет синяя ночь
Тебе под ноги, милая Марковна!

IV
Афанасий Пешков сед, велик, как белóй
Тот медведь, что на севере водится.
А разгневался он - так он в гнѣе такой,
Что храни, упаси, Богородица!

Сын его Еремей - и того борода
В серебре, но отцу - почитание,
Тот гораздо умен, не шумит никогда,
Обо всем его думка заранее.

И в Мунгальскую степь отправляет
Пашков
Еремея с задачей военною.
- Что-то сына там ждет? И на всё он готов,
Чтоб проникнуть за даль сокровенную.

Воевода, шамана потребовав в стан,
Сел индейским раздувшимся кочетом,
И на бубне играл, тот проклятый шаман,
Покрутившись, победу пророчит им.

Рад - доволен Пашков, и стрельцам
приказал
Он к походу собираться да строиться.
Но из хлевины все протопоп услышал
И в обиде за русскую Троицу

* Поэма «Протопопица» печатается по рукописи,
которая хранится в фондах литературного отдела
Хабаровского краеведческого музея
им. Н. И. Гродекова.

Пред людьми он предстал,
он крестом потрясал
И кричал, что ничто не устроится:
-Да не сможете вы возвратиться
вспять, только смерть - ни победы,
ни славы вам!
Да не сбудется днесь, обреченная
рать,
Предсказание, данное дьяволом!

Напугал протопоп зашумевших
стрельцов,
И нейдется на дело им трудное...
Как тогда не убил протопоп Пашков -
Уж доподлинно чудо-пречудное!

V

И сбываются все протопоп слова:
Еремей лишь сам - друг возвращается.
Воевода Пашков разъяреннее льва,
Палачами ж огонь разжигается.

От огня же того у него не живут...
Для гортани не олово ль топится?
Вот уже палачи за строптивцем бегут,
И бледней полотна протопопица.

Вера прадедов сих, что утрачена днесь,
Та, которой так жадно завидую,
Что на Небе всему воздаяние есть,
Что награда идет за обидою,
Что уж все рассудил благодатный
Исус,
Кормчий праведных, парус кораблика...
И уже на губах Аввакумовых вкус
Благодатного райского яблока.

И готов протопоп: не само ли ему
В рот де царство Небесное валится?
Женихом он пойдет к палачу своему,
Под топлёный свинец ли,
под палицу ль!

Ибо значит: за краткий страдания срок,
За кровавую смерти испарину,
За откушенный перст, за порублен-
ный бок -
Будут райские кущи подарены.

Жаль жену и детей, но за подвиг его
И семейство у Господа в почести,
И он ждет палачей, не боясь ничего,
В исступлении древле-пророческом.

В сердце Марковны нет этой воли
литой,
Вся в слезах, опустились рученьки:
Пусть не примет супруг нашей славы
святой,
Лишь бы только не вышел
и в мученики!

Женской любящею, истомленной
душой
Рвется, ищет спасения милому,

Просит, молит о том, чтобы Бог
подошел,
И несчастье из жизни их выломал.

И услышал Господь: воротил Еремей
Палачей, заступиться торопится.
Сколько яростных дней, сколько
страшных ночей
Ты осилила, протопопица!

VI

В суматошной Москве перемены опять,
Мчит гонец, подгоняемый вьюгою.
Из далеких Даур возвращается вспять
Аввакум с ясноглазой супругою.

И над долей его свет забрезжил иной -
Разгорается слава, что зарево:
Здесь встречают его умиленной
слезой,
Там обласкивают и одаривают.

Отдохнуть бы теперь от битья да от троп,
На которых под ляжками падали,
Но замолк, но затих, заскучал
протопоп,
И суровые брови запрядали.

И от Марковны та не укрылась тоска,
И когда он молчал да раздумывал,
Подошедшей ея опустила рука
На большое плечо Аввакумово.

И с опрятством к нему приступила жена,
Как ладейка к утесу причалила:
Наклоняя к челу, спросила она:
«Господине, почто опечалился?»

Тяжким взглядом своим отстраняя, гоня,
Горько вымолвил другу он нежному:
- Что, жена, сотворю? Вы связали меня...
Не стоять мне за веру по-прежнему!

Отшатнулась жена: не одним ли путем
Через дебри пашковския хожено?
Отставала ль она, не была ли при нем
Ежечасно, как другу положено?

- Боже милостивый! — ужаснулась она, -
Что такое ты вымолвил, выискал?
И молчал протопоп. И была тишина
В их избе, где ребенок попискивал.

И сказала жена, и супругу свою
Протопоп не узнал на мгновение:
- Аз ти вместе с детьми ныне волю даю
И на подвиг благословение!

И шагнула вперед, и уже не дрожит
Её голос струною натянутой:
- Если ж Бог разлучит, так о нас не
тужи,
Лишь в молитвах своих не запомнят!
И умолкла она. И в волненье таком,
Что душа и пылала, и таяла,

Протопоп Аввакум бил супруге челом,
И супруга, подняв, обняла его.

VII

И была эта ночь, как руля поворот
Для их лодочки легкой, двухвёсельной:
С успокоенных вод в новый водоворот
Он стремительно вновь перебрисил сих.

Над тюрьмой земляной крыши белой
сугроб,
На оконце ржавеют железины:
- Закопали тебя, Аввакум протопоп,
в Пустозерске, а Марковну — в
Мезени.

Худ и наг протопоп, и его борода
Серебром заструилась до пояса,
Но могучей спины не гибнут года,
И не может душа успокоиться.

Он склонен над столом, и пера
острие
Слово к слову находит точеное,
У руки ж у его, там, где тень от нее, -
Мышка бегаёт прирученная.
- «Божья тварь!» — и тепло заструили
глаза
На комочек на этот на бархатный...
Полюбила тебя не за этот ли за
Светлый взгляд, горемычная
Марковна?

За умение понять, улыбнуться светло,
Пожалеть неумного врага,
И за это любви золотое тепло
Заплатила подружие дорого.

Оторвали тебя, да и сам отошел -
Отстранило служение ранее -
И хоть пишешь жене, и письмо
хорошо,
Но выходит оно, как послание...

И Петровича нет средь священных цитат.
Что ни слово — опять поучение,
Ибо ведаешь ты, что становишься свят,
Что письмо, как Апостола чтение...

Облегчения нет от такого письма,
Сердце чахнет и горести варится,
Одиночество жжет. Опускает тюрьма
Навсегда свою кровлю над старицей.

В Пустозерске ж глухом дымовые
столбы,
Поднялися в весеннем безветрии...
Не ушел протопоп от высокой судьбы -
Вознесен на пылающий жертвенник!

Зашипело смолье,
и в рассветную рань
Сквозь огонь, в дымовыя отверстия,
То лицо, то брада, то воздетая длань -
Исповедующая двуперстие.

Православный священник, археолог и художник Николай Спижевой.

Загадочный свет мыса Аури

Владимир ИВАНОВ, старший научный сотрудник
Хабаровского музея археологии.

Казалось бы, что общего между древним британским святилищем Стоунхендж и нижнеамурским мысом Аури, что в Ульчском районе? Но для хабаровского археолога и художника Николая Спижевого такая связь существует, и почувствовал он ее внезапно, интуитивно, еще когда делал первые шаги в археологии.

Сэвэны, найденные Н. Спижевым.

Случилось это много лет назад, на тихой улочке Бойко-Павлова, среди садов и покосившихся от времени деревянных домишек. Здесь, в районе бывшего рыбного порта, Спижевой обнаружил следы древнего поселения.

Вначале он обратил внимание на хорошо отшлифованное орудие труда из серо-зеленоватого камня — тесло, найденное на соседнем огороде. Затем, осматривая размытые дождями склоны вдоль ручья, нашел множество фрагментов древней керамики, каменный инвентарь и даже целый жировой светильник, которым люди пользовались две-три тысячи лет назад.

А когда здесь началось строительство многоэтажных домов, Николай забил тревогу, ведь под ковшами экскаваторов и гусеницами бульдозеров могли бесследно исчезнуть материальные свидетельства древнего поселения. Обратился в краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, затем этим объектом заинтересовались специалисты научно-производственного центра по охране памятников, пригласили археологов из Хабаровского педагогического университета. В результате археологический памятник был оперативно исследован.

Сейчас Н. Спижевой — профессиональный археолог, заведующий отделом Хабаровского краеведческого музея. На его счету немало открытий и находок, пополнивших музейные фонды, а также ежегодное участие в российско-японских экспедициях, поездки в таежную глубинку.

А еще Николай Евдокимович ...православный священник. Он исполняет службы в Богородично-Албазинской казачьей общине, созданной на Бычихе, под Хабаровском. Тема эта особая. Скажу лишь, что и прежде, особенно до революции, некоторые православные священники были выдающимися миссионерами, лингвистами и этнографами, создавали словари, грамматику и несли просвещение аборигенам. Имена отцов Иакинфа (Бичурина), Палладия (Кафарова), Иннокентия (Вениаминова) хорошо известны исследователям. Сын последнего, кстати, тоже священник о. Гавриил, был сподвижником капитана Г. И. Невельского и вместе с участниками Амурской экспедиции вынес все тяготы зимовки на Петровской косе. Место это является ценным археологическим памятником. И два года назад Н. Спижевой стал первым профессиональным археологом, кто точно установил здесь местонахождение офицерских флиге-

лей, матросской казармы и церкви, где с зимы 1853 года начались службы о. Гавриила.

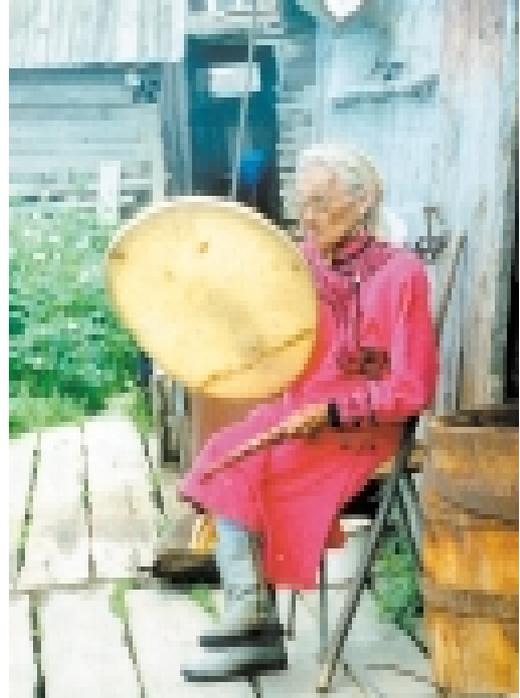
В августе 2000 года, когда отмечается 150-летие поднятия русского флага в устье Амура и основания Николаевска, Н. Спижевой совместно с другими краеведами планирует провести на Петровской косе археологические раскопки. И добрым знаком он считает старый деревянный крест с безымянной могилы, прибитый волнами к этой песчаной косе пару лет назад. Тогда Николай Евдокимович бережно поднял его, помолвился за упокой чьей-то души и установил на берегу.

Но вернемся к загадочному мысу Аури, что на Мариинской протоке. Живущие в здешних местах улъчи считают Н. Спижевого своим. Старенькая шаманка, бабушка Феня, как ее ласково называют, даже поинтересовалась однажды у Николая Евдокимовича, правильно ли она исполняет ...обряд камлания? «А почему вы меня спрашиваете?» — удивился он. «Но ты ведь тоже шаман, наш человек, стало быть», — серьезно ответила она.

Разумеется, Спижевой никакой не шаман и не язычник, но он считает, что корни религий, особенно православной, уходят вглубь тысячелетий, к древним ведическим знаниям, и что вполне вероятно, легендарное Беловодье — эта прародина славян и ариев, найти которую веками стремились русские старообрядцы, находилась некогда на востоке Евразии. А потом уже предки, разделившись на племена и народы, ушли на запад, за Рифейские горы, то бишь Урал, заселили Иран, Индостан, Европу и создали во многих местах загадочные памятники-мegalиты, вроде знаменитого Стоунхенджа.

Памятник этот давно не дает покоя хабаровскому исследователю. И однажды внезапно, интуитивно он почувствовал некую духовную нить, воедино связавшую Стоунхендж со святилищем Радуль, что под Киевом, затем Аркаимом, урочищем Белая Лошадь в Хакасии, местом слияния Шилки и Аргуни и, наконец, мысом Аури. Общим для всех этих окутанных тайной мест является то, что они находятся на одной, пятьдесят второй, параллели, которую Спижевой назвал священной, причем находятся на равном удалении друг от друга. Конечно, эту географическую и культурную закономерность археологи чувствовали и раньше. Но исследования велись в основном на обжитых и хорошо изученных территориях, хотя и там еще возможны сенсационные открытия. Тот же Стоунхендж, казалось бы, перекопанный археологами до основания, еще хранит немало тайн.

И уж совсем малоизученным остается мыс Аури, хотя в окрестностях его встречается много следов древних поселений. А у основания самой сопки Аури, похожей на пирамиду, имеется расщелина, напоминающая по очертаниям крест. Существует легенда, будто во времена Амурской экспедиции Г. И. Невельского его офицеры и матросы, поднявшись на шлюпках вверх по Амуру и увидев величественную сопку с вертикальной расщелиной, решили дополнить ее «перекладной» и выбили в скале навигационный знак в виде креста. Но у Спижевого своя точка зрения. Он считает, что это — солнечный символ, солнцеворот, и выбит он местными племенами еще в эпоху неолита. И это было священное культовое место, где поклонялись небесному огню люди, познавшие ведические знания. Те самые, которыми владели наши предки в Аркаи-

Потомственная улъчская шаманка из села Мариинского бабушка Феня.

ме, Радуле, Стоунхендже.

Так замкнулась священная параллель, некогда протянувшаяся от Тихого океана до Атлантического. А ведь были еще и особые, не менее загадочные меридианы, проходившие через зоны великих тектонических разломов, по которым также мигрировали древние племена. Один из таких, находящихся на территории Хабаровского края «таежных меридианов», Н. Спижевой также детально исследует. Уже есть интересные археологические находки, обозначены памятники, обобщаются данные, полученные другими исследователями. И, конечно, действует интуиция, дар художника. Так что вполне возможно, мыс Аури станет в науке не менее известным, чем легендарный Стоунхендж.

Семья Матвеевых в Японии. 20-е годы.

*Во внутрь породы заспанной и мрачной
Вонзает он исследования лом
И делает историю прозрачной,
Чтоб разглядеть грядущее в былом.*

О СЕМЬЕ МАТВЕЕВЫХ

Георгий Матвеев и М. Д. Матвеева,
жена Н. П. М.-Амурского.

Дом Матвеевых во Владивостоке, ул. Абрекская, 9.

Клара Зилова,
заведующая литературным отделом Хабаровского
краеведческого музея им. Н. И. Гродекова

История страны, ее духовное наследие складываются из истории семей, в ней живущих. Литературная семья Матвеевых оказала определённое влияние на развитие культуры Дальнего Востока. Ее родоначальник Николай Петрович Матвеев-Амурский (1865 — 1940) был одним из первых дальневосточных поэтов, прозаиков, журналистов, издателей. Русская поэтесса Новелла Матвеева, дочь Н. Н. Матвеева-Бодрого, писала: “Дальний Восток — родина моего отца, деда, прадеда. Край, большая история которого неразрывно связана с малыми историями многих семей и фамилий, и моей фамилии в том числе”.

И ЕЕ РОЛИ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Судьба Николая Петровича Матвеева-Амурского необычна. Он родился в Японии и стал первым русским ребенком, появившимся на свет в Стране восходящего солнца. Вот что он писал в своем дневнике: “Родился я в 1865 году декабря 8 дня в городе Хакодате Японской империи, где отец мой служил при консульстве фельдшером”. Отец Николая Петровича Петр Матвеевич Матвеев был кантонистом. Служил на Балтийском флоте, закончил фельдшерские курсы, был переведен на Тихий океан, а потом — в Японию. Свою жену — индианку — он вывез с Камчатки, когда находился там в командировке. В Японии у них родился сын Николай, которого крестил священник Николай в православном храме. Няней ребенка стала японка Иосико.

Всю свою жизнь Николай Матвеев впитывал новые знания и стал образованнейшим человеком. В юности работал в корабельных мастерских Владивостокского порта.

Его жена Мария Даниловна Попова (1872 — 1954) была из семьи первых переселенцев на Дальний Восток.

Матвеев-Амурский — автор многих стихотворений и подражаний. В 1902 году в Петербурге вышел его поэтический сборник “Пародии и подражания”. Многие свои стихи Николай Петрович посвящал писателям, в частности, Чехову, с которым был знаком и даже переписывался. В 1904 году в издательстве Сытина были опубликованы его “Уссурийские рассказы”. Николай Петрович был первым приморским журналистом, сотрудничал со многими изданиями, а потом стал редактором и издателем газеты “Приморский край”, а также иллюстрированного еженедельника “Природа и люди Дальнего Востока”.

Матвеев-Амурский известен нам как просветитель, краевед, общественный деятель. В 1904 году ему присвоено звание Почетного гражданина города Владивостока. Он был членом городской думы, городской управы, председателем публичной библиотеки им. Н. В. Гоголя. В 1910 году к юбилею города вышел “Краткий исторический очерк г. Владивостока”, написанный Николаем Петровичем и опубликованный в его типографии.

Дом Матвеевых на ул. Абрекской со временем стал центром культурной жизни Владивостока. Сюда приходили Я. Волкенштейн, Б. Пилсудский, Я. Штернберг, И. Ювачев — бывшие сахалинские каторжане. С сыном Ювачева, в

Редакция живого журнала “Комсомолия”, г. Хабаровск. 1-й справа сидит Н. Н. Матвеев-Бодрый.

дальнейшем известным поэтом Даниилом Хармсом, дружили сыновья Н. П. Матвеева. Частым гостем был здесь и Арсеньев, которого интересовали этнографические коллекции Матвеева, подшивки дальневосточных газет и журналов, богатейшая библиотека.

Большое место в жизни Н. П. Матвеева занимала Япония. Шесть раз посетил он Страну восходящего солнца, писал о ней, переводил японских авторов. В 1909, 1912 и 1914 годах Матвеев организовал и возглавил первые экскурсии учащихся Владивостока в Японию. После революции в 1919 году Матвеев-Амурский эмигрировал в Японию, так как не смог принять большевистского режима, а также опасался преследования интервентов. По мнению Николая Петровича, большевизм, несмотря на то что его теория абсурдна, распространяется в России потому, что люди легко верят в обещания счастливого будущего. В этом же году он пишет стихотворение “На чужбине”:

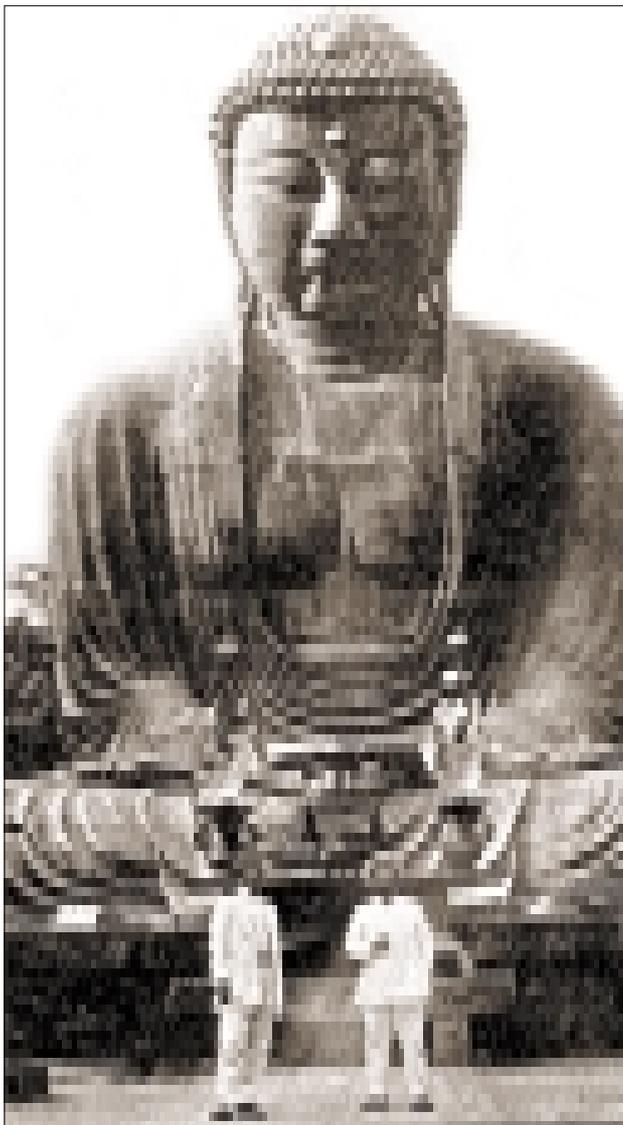
*Один в таинственном саду
Тропой извилистой иду.
Из освещенных стен-окон
Здесь хохот слышится и звон...
А я один, для всех чужой,
Бреду извилистой тропой.
И как железная доска
Неутолимая тоска
Волнует грудь, терзает ум,
И под напором мрачных дум
Я вижу край, где вновь и вновь
Несется стон и льется кровь...
И не несут душе утех
И эта песнь, и этот смех.*

Венедикт Николаевич Матвеев (творческий псевдоним Март).

В Японии Матвеев-Амурский выпускает детские книги в организованном им издательстве “Мир”, торгует книгами русских авторов, работает в русской библиотеке. Издательство “Мир” просуществовало до 1925 года. Здесь были напечатаны хрестоматия для чтения, японо-русский и русско-китайский словари, сборник стихов А. С. Пушкина и другие книги. Умер Николай Петрович Матвеев-Амурский в 1940 году в городе Кобе.

В семье Матвеевых было пятнадцать детей, правда, взрослыми стали лишь одиннадцать. Много души вложил в них Николай Петрович, а те с большим уважением относились к отцу, во многом ему подражали, следовали его советам. Самым образованным среди Матвеевых-младших был Зотик Николаевич (1889 — 1938). Он закончил Дальневосточный государственный университет и политехнический институт, стал первым библиографом Дальнего Востока, являлся редактором “Записок Приамурского от-

Справа Н. П. Матвеев-Амурский, Япония, 1909 г.

Похороны Н. П. Матвеева-Амурского.

деления Русского географического общества". В 1925 году во Владивостоке вышел библиографический сборник "Что читать о Дальневосточной области". По его инициативе и непосредственном участии готовились серьезные издания: "Дальневосточная энциклопедия" и "Библиография Дальнего Востока", "Библиография Японии". К сожалению, труды так и остались незавершенными. В 1937 году Зотика Николаевича арестовали, и он погиб в заключении.

Николай Николаевич Матвеев (1891 — 1979) учился на юридическом факультете Петербургского университета, по-

том перевелся в Московский университет, который не закончил. Он был кооператором, лектором, культурпросветработником, членом Географического общества СССР, членом Литфонда СП СССР. Но главным делом жизни Николая Николаевича стал семейный архив. Делал он это по совету отца. В итоге им собран уникальный фонд, в котором двести тетрадей-дневников, множество ценных материалов, связанных с семьей Матвеевых, а также культурой и историей Дальнего Востока. В собранном им архиве большая коллекция книг, часть которых содержит автографы. Сегодня, благодаря этому бесценному материалу, мы можем судить о многих фактах культурной жизни Дальнего Востока.

Зотик Николаевич Матвеев с женой Таисией, 1914 г.

Венедикт Николаевич Матвеев, творческий псевдоним Венедикт Март (1896 — 1938), — поэт, футурист, член литературного художественного объединения во Владивостоке. С 1914 по 1922 годы у него вышло шестнадцать поэтических сборников. В 1919-м, спустя год после рождения сына Зангвильда, Венедикт Николаевич уезжает вместе с ним в Харбин на пять лет. Здесь также выходят сборники его стихов. Вернувшись в Россию, В. Март издает в Ленинграде "Китайские рассказы", однако в 1929-м его, поэта, арестовывают и отсылают на поселение в Саратов. Сын остается беспризорным. С Симой Лесохиной Март давно разошелся. Венедикта Николаевича вновь заточают в тюрьму в 1938 году. Он не избежал участи невинно расстрелянных.

ДАЛЕКАЯ ОКРАИНА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА ЗАРЕ XX ВЕКА

Ольга ИВАНОВА, ведущий методист Госархива Хабаровского края
Елена БАКШЕЕВА, научный сотрудник Госархива Хабаровского края

В истории освоения Дальнего Востока особое место занимают события, связанные с деятельностью различных благотворительных фондов, в том числе и фонда, носившего имя императора Александра III.

Зангвильд Венедиктович Матвеев (1918 — 1987) получил образование в Киеве, женился, а в 1945 году выехал в Германию. Здесь вышли первые сборники его стихов “По дороге оттуда” (1947), “Ты, мое столетие” (1948) и другие. Свои стихи Зангвильд послал Ивану Бунину. Тот ответил ему письмом: “Дорогой поэт, Вы очень талантливы, часто радовался, читая Ваши книжки, Вашей смелости, находчивости”. В 1950 году З. В. Матвеев переехал в Америку, жил в Питсбурге, преподавал в университете русский язык. Его литературным именем стало имя Иван Елагин. С конца восьмидесятых годов XX столетия он стал известен и в нашей стране. Его публикации появились в журналах “Новый мир”, “Нева”, “Огонек”, “Дальний Восток”. Умер Иван Елагин в 1987 году в Питсбурге. В 1991 году московское издательство “Художественная литература” выпустило в свет большую книгу

Новелла Матвеева с дядей
Георгием Николаевичем Матвеевым.

избранных произведений И. Елагина “Косой полет”. Уже после смерти вернулся он на Родину, как и мечтал:

*Не была моя жизнь неудачей,
Хоть не шел я по красным коврам,
А шагал, как шарманщик бродячий,
По чужим незнакомым дворам...
Полетать мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру власть
Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звездно упасть.*

Известной русской поэтессой стала внучка Н. П. Матвеева-Амурского, дочь Николая Николаевича Матвеева-Бодрого, Новелла Матвеева. Она родилась в 1930 году в Ленинграде, закончила Высшие литературные курсы. Новелла Николаевна занималась переводами, в свет вышло немало сборников ее стихов: “Ласточкина школа”, “Душа вещей”, “Река” и другие. Сборник “Страна Прибоя” она посвятила прадеду, деду, отцу. Новелла пишет песни — и слова, и музыку, сама исполняет их под гитару. Своему отцу она посвятила стихотворение “Архивариус”, которое можно назвать посвящением всем ее дальневосточным предкам:

*Во внутрь породы заспанной и мрачной
Вонзает он исследования лом
И делает историю прозрачной,
Чтоб разглядеть грядущее в былом.*

Родоначалник этой удивительной семьи Н. П. Матвеев-Амурский, его дети Зотик Матвеев, Венедикт Март, Николай Матвеев-Бодрый, его внуки Иван Елагин и Новелла Матвеева оставили заметный след в развитии дальневосточной журналистики, библиографии, в истории русской литературы.

Этот фонд образовался в 1894 году “по высокому почину” Николая II, когда при канцелярии Кабинета министров был открыт прием пожертвований на строительство церквей и школ в районе Сибирской железной дороги. Собранные средства и составили фонд имени Александра III, “по велению которого было начато строительство Сибирской железной дороги”.

В 1901 году фондом учрежден нагрудный знак за содействие школьному и церковному строительству в Сибири. Это был зеленый эмалевый крест, окруженный белой лентой, на которой золотыми буквами начертана надпись: “За содействие духовному просвещению в Сибири”. Знак венчало золотое вензелевое изображение имени императора Александра III под изображением императорской короны. Правила о нагрудном знаке предписывали носить его на левой стороне груди и предоставлять лицам обоего пола. Эмалевым крестом награждались люди “за значительные услуги, оказанные делу церковного и школьного строительства в Сибири личной деятельностью, и за крупное на это дело пожертвование, денежное или материальное, но не менее 3000 рублей”.

В подтверждение права ношения такого нагрудного знака выдавалось “особое свидетельство за подписью Управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги с приложением печати Комитета”. Кроме того, каждый, кто получал знак, должен был сделать единовременный взнос “в фонд имени Императора Александра III в размере 25 рублей”.

Среди награжденных были Великие Князья Михаил Александрович и Сергей Александрович, епископ Владивостокский и Камчатский, преосвященный Евсевий и другие. В списке церквей и школ, сооруженных при помощи фонда, значится и церковь-школа, которая была выстроена “при станции Хабаровск”. Обряд ее освящения свершился 27 мая 1901 года в честь Рождества Христова. Средства на ее строительство (10 тысяч рублей) пожертвованы потомственным почетным гражданином П. И. Егоровым. В документе Госархива Хабаровского края не сказано, что он награжден почетным знаком, но наверняка этот крупный вклад был отмечен.

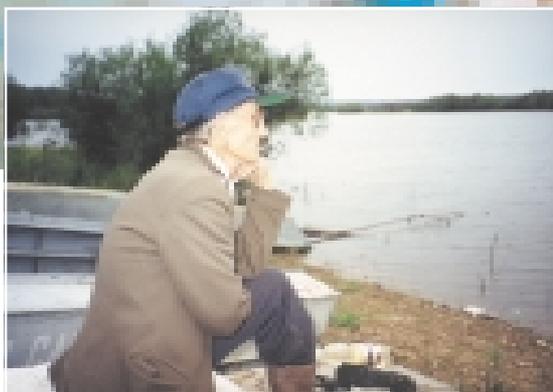
Лица, которые вносили в фонд менее значительные суммы, награждались “именными золотыми и серебряными жетонами: серебряными — за единовременный взнос не менее 10 рублей, а золотыми — не менее 50 рублей”. Жетоны предназначались для ношения на цепочке для часов. Кроме того, золотые жетоны выдавались лицам, “привлекшим 12 жертвователей со взносом не менее 10 рублей каждый”.

Награжденному выдавалось “особое свидетельство за подписью Председателя Подготовительной комиссии и скрепою делопроизводителя”. Одному и тому же лицу золотой жетон выдавался только один раз. В результате распространения жетонов с 1901 по 1903 годы было получено 45 тысяч рублей.

Вводя нагрудные знаки и жетоны, организаторы фонда имени Александра III надеялись привлечь большее число жертвователей. И надежды их оправдались: с помощью средств фонда вдоль Сибирской железной дороги сумели построить немало школ и церквей. Некоторые из них действуют и поныне, спустя более чем сто лет.

КРАСКИ ВОСПОМИНАНИЙ И НАДЕЖД В ПЕЙЗАЖАХ ИВАНА ЛЕБУХОВА

Елена ГЛЕБОВА, журналист

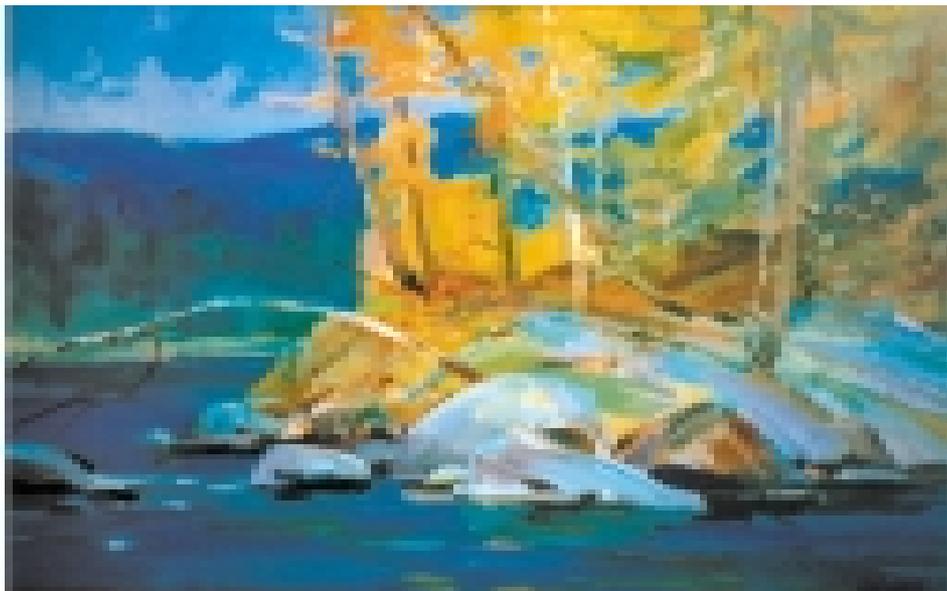

После грозы, 1983 г., х.м., 86х60.

Пейзаж – это некий шифр к истинным чувствам художника. У Ивана Петровича Лебухова пейзажи оплаканы чистыми ливнями, овеяны непослушным ветром, умыты солнцем. Здесь как в зеркало засмотрелись в реку осенние листья, грозное небо купается в синей воде, и легкие тени деревьев, подобно прозрачным мечтам, упали на первый снег.

“Природа никогда меня не обманывала, не предавала, и никогда я не чувствовал себя в ней чужаком”, — говорит художник. Многие связано с ней в жизни Ивана Петровича. В детстве, отправляясь с отцом на рыбалку, он, затаив дыхание, наблюдал удивительные перемены, которые происходили в природе. Открытая и доверчивая днем, загадочная и тревожная ночью, природа

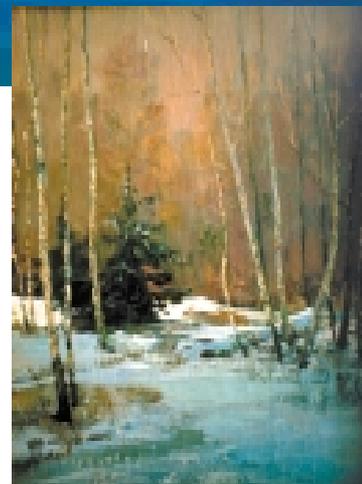
Осень на горной речке. 1988 г., хю м., 63х40.

всегда была для Ивана Лебухова защитницей.

В семье Лебуховых сохранилось предание о происхождении их фамилии. Говорят, во времена раскола церкви собрались вольные люди и ушли из России, обосновавшись на реке Дунай (теперь здесь румынский город Броилов). И был среди них Глеб Ухов. На чужбине почему-то его начали называть Лебуховым. Семья с новой фамилией постепенно разрасталась, но в конце XIX века некоторые из Лебуховых решили вернуться на потерянную когда-то Родину.

Это совпало с политикой государства тех лет, когда

активно заселялись дальневосточные земли, и потому Лебуховы поселились в необжитом районе, основав неподалеку от хутора Галкино деревню Смирновку. Глава семьи Петр Алексеевич, дед Ивана Петровича Лебухова по материнской линии, был священником в храме, построенном здесь же, в Смирновке. Многочисленное семейство вместе с детьми и внуками крестьянствовало, кормилось от матушки-земли.

Именно здесь, в церкви деда, пришло первое вдохновение к будущему художнику. Пятилетнего мальчишку потрясли иконы, облаченные в лепные бронзовые оклады, инкрустированные розами. С превеликими трудами раздобыв карандаш и бумагу, он забирался под стол и рисовал.

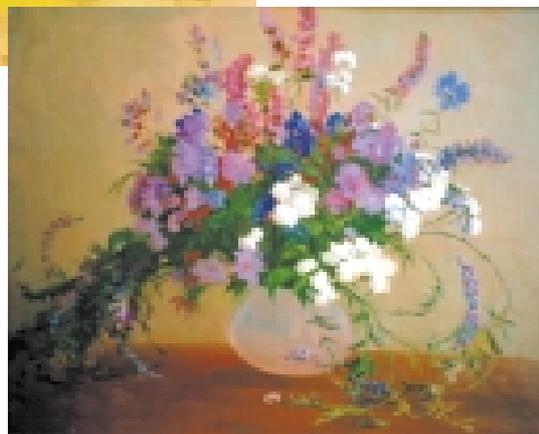
Этюд, 1980-е годы, картон, масло, 48х33.

Беспощадная волна коллективизации и репрессий добралась до маленькой деревушки в 1932 году. Иван Петрович в то время совсем еще мал был, но он хорошо помнит страшный день, когда ломали церковь, на костре сжигали иконы и духовные книги. Так совпало, что у мальчика совсем недавно умерла мать, и, возможно, именно это событие обострило его память, не позволило забыть.

Деда-священника скоро забрали. Больше о нем никто ничего не слышал. Отец Ивана Петровича, участник битв на Волочаевской сопке и в Спасске, председатель сельского Совета, человек, верящий не в Бога, а в честность и порядочность, пытался хоть что-то разузнать о Петре Алексеевиче. За излишнее любопытство ему

тоже грозил арест. Как рассказывал Иван Петрович, уезжали они из Смирновки спешно, ночью, бросив весь свой скарб. Коллективизация выдала его семью в Хабаровск. Нелегко им приходилось: престарелые бабушка и дедушка, шестеро детей, а Иван Петрович — старший. Он стал главным помощником отца, который бригадировал на рыбном промысле, а когда прогремели первые залпы Великой Отечественной и отец ушел добровольцем на фронт, остался единственным кормильцем.

На заводе им. Молотова (ныне Дальдизель) Ивану Петровичу приходилось забираться на высокий ящик, чтобы дотянуться до станка. Маленький, щуплый, он начал отсчитывать свои трудовые будни. В 1942 году Ивана Лебухова направили в

ремесленное училище, здесь же, при заводе, чтобы он учился на слесаря-инструментальщика. В те годы при училище существовала ИЗО-студия. Руководил ею Владимир Константинович Шатунов, художник, ученик самого Репина. Он занимался с ребятами со всей серьезностью, старался вложить в них как можно больше знаний, навыков. И, видно, не зря, потому что на выставке в ОДОСА, где Иван Лебухов представил несколько своих работ, молодого человека заметили, а главный художник этого учреждения пригласил работать к себе. Здесь учителями Ивана Петровича, помогавшими и словом, и делом, стали известные тогда художники Кайдалов, Баскаков, Смелов, Арефин.

Ивану Лебухову, помощнику главного художника ОДОСА, посчастливилось объездить почти весь Дальний Восток, Сахалин, Камчатку, Курильские острова. «В то время эти территории были доступны ограниченному кругу людей, — рассказывает Иван Петрович. — И посетить их, сделать рисунки, наброски, этюды было великим счастьем, которое выпало на мою долю». Несколько

лет спустя, по совету товарищей, Иван Лебухов, захватив свои лучшие работы, отправился «завоевывать Европу». Успешно сдав экзамены, он поступил в Горьковское художественное училище, но проучился там недолго. Нелегко пришлось ему в чужом городе. Скитался в поисках жилья и работы, остро чувствовал, как не хватает поддержки родных и друзей. Но выход нашелся: в Хабаровске открылось художественно-графическое училище, и в том же году Иван Пет-

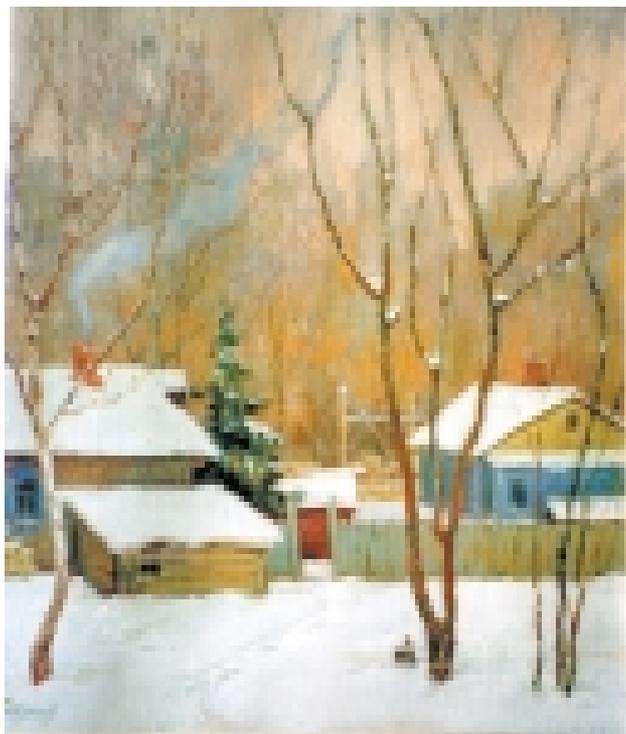
рович стал его студентом.

Как выпускнику-отличнику в 1950 году Ивану Лебухову предложили продолжить образование в институте им. Репина или Киевском художественном институте. Он выбрал Украину, проучился год, но опять вынужден был вернуться в Хабаровск: тяжело заболел маленький сын. «Хрупкая скорлупка карьеры разбилась о рифы быта». С 1952 года и до выхода на пенсию Иван Петрович Лебухов работал в художественном фонде.

О своей судьбе он говорит так: «Биография моя, видимо, похожа на биографии всех художников края. Писание портретов вождей и членов политбюро для прокурора, редкие праздники выставок, рутинная оформительская полигонов и мелкая грызня за место под солнцем. Я итогу прожитое, вижу, сколько сил ушло впустую, но не жалею — все это было когда-то и кому-то принесло определенные плоды. Это застывшее время, как следы прожитых лет, вы можете увидеть в моих работах».

В апреле 2000 года в Артподвальчике состоялась персональная выставка Ивана Петровича Лебухова «Дальневосточный пейзаж».

Старый Хабаровск (ул. Шеронова), 1994, картон, масло, 35х31.

ПО ДОРОГЕ В ГЕСЕМ

Отрывок из романа

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

Наряд, как ни странно, пришелся юному вельможе совсем впору. Он был менее пышен, чем одеяние помощника, но высокий рост, широкие плечи и тонкая талия новоиспеченного жреца с лихвой восполняли нехватку золота и драгоценных камней. А когда Моше надел белоснежный тюрбан и взял в правую руку массивный жезл, не только слуги, но и посланец Верховного почувствовал в сердце благоговейный трепет. Большие карие глаза юноши, крупный выразительный рот, нос и подбородок сообщали его лицу нечто важное и выразительное...

— А что я скажу этим людям? — чуть растерянно обратился он к настойчивому посланцу. Тот попытался скрыть улыбку:

— Честно говоря, можно ничего не говорить, — и охотно пояснил: — Если бы я оказался среди них, то припал бы к твоей руке и ни о чем не спрашивал!..

Слуги согласно переглянулись. Но Моше, находясь в состоянии легкой паники, совсем не понимал ни шуток, ни намеков. «Туповатый малый!», вздохнув, подумал помощник. Подойдя, он чуть ослабил на юноше пояс и расправил складки.

— Да не волнуйся ты так! — это прозвучало тепло и ободряюще, — все будет хорошо...

Моше, услышав это простое человеческое напутствие, приободрился. Мельком оглядел себя и приказал слуге-нубийцу:

— Подавай лошадей!..

Слуга вышел.

— Давай присядем на дорогу! — участливо предложил помощник. Новоявленный жрец осторожно опустился на стул, поставив между колен витой посох. По всему было заметно, что он еще не освоился с ролью и не знал, куда девать руки. И все равно смотрелся он очень внушительно. «Станет или не станет этот парень священнослужителем, — рассудил про себя посланец, — а выглядит он, что надо!». Появился слуга:

— Колесница готова!

Хозяин с гостем поспешно встали и двинулись к выходу. Причем второй провожал первого, а не наоборот. И все это произошло как-то само собой, будто по велению свыше. Моше ступал неловко и скованно — длинная одежда стесняла его. Наставник ободряюще похлопал юношу по плечу, и оба они вышли во двор. Светило утреннее, еще не жаркое солнце, и в его низких, пронизывающих лучах статная фигура юного жреца казалась выше и представительней...

Нубиец вскочил на колесницу и взял в руки вожжи. Моше неуклюже поднял левую ногу, подтянул выше колен хитон, потом взялся рукой за край повозки, другой опираясь на бронзовый посох... Словом, зрелище было тягостным и разочаровывающим. Провожатый невольно покривился. А кони грызли медные удила и косили темно-фиолетовыми зрачками, в которых отражалась странная фигура в светлом одеянии с белым тюрбаном на голове...

— Ну, удачи тебе! — поднял руку помощник Верховного. Слуга натянул поводья. Четверка лошадей, стуча нековаными копытами, резко рванула, юный вельможа покачнулся, тюрбан съехал ему на нос, но он успел ухватиться за передок и громыхнул металлическим посохом... Провожатый укоризненно качнул головой — уж очень комично все получилось.

— Не гони! — сдавленно буркнул Моше и кое-как поправил головной убор. Он и сам понимал, что выглядит не лучше уличных фокусников, развлекающих досужих людей. И это еще более уязвило его. Но, проезжая мимо покоев принцессы, он бросил на двери и окна настороженный, ищущий взгляд. Выпрямился и принял уверенную, значительную позу. Напрасно. Ни снаружи, ни внутри уютного небольшого дворца не было заметно ни шума, ни движения. Принцесса еще не проснулась...

— Давай! — приказал он вознице, и тот щелкнул кнутом. Лошади прибавили шагу...

Выехав из дворцовой ограды и окунувшись в городской гвалт и гомон, новоиспеченный жрец почувствовал себя совсем скверно. Уличные торговцы, разносчики воды, ремесленники и слуги, не стесняясь, тарасили на него глаза. Жрец в торжественном облачении, едущий на породистой четверне, представлял редкостное зрелище. Обычно они ходили пешком или — самые важные — передвигались на носилках, а тут... Писцы и мелкие чиновники тоже замирали на ходу и поворачивали головы — на грохочущей колеснице торчала высокая представительная фигура, застывшая как истукан...

«Гони во весь дух!» — едва не крикнул юноша и тут же сдержался, вовремя сообразив,

Микеланджело.
Моисей.

что это могло обернуться полной катастрофой. Слетит тюрбан, развяжется пояс, растреплется хитон...

А солнце тем временем упорно, как жук-скарабей, карабкалось к зениту, раскаляя недвижимый застоявшийся воздух... Пыль из-под конских копыт взвивалась облаком, золотясь в косых жгучих лучах... «О, боги!» — взмолился страдалец, — скорей бы добраться до этого чертова логова!.. Да сбросить все это!..»

Колесница выкатилась на окраину, и слуга пустил в дело кнут. Кони побежали резвей. Моше сдвинул тюрбан на затылок и покрепче ухватился за передок. Ему уже было наплевать на внешний вид — только бы побыстрее доехать! Бодро крутились колеса, пронзительно визжали втулки, настойчиво стучали медные обода. Колесницу чувствительно потряхивало, но ездоки держались молодцами...

Нубиец старательно правил конями, ловко объезжая встречных и поперечных. Дорога, к счастью, оказалась полупустынной. Все, кому было нужно попасть в столицу, уже проехали или прошли. Только безысходность либо крайняя необходимость вынуждала редких прохожих вздымать пыль на полуденной дороге. И грохочущая коляска с двумя всадниками заставляла из застывать столбами и поворачивать головы вслед диковинной паре...

Вдали показался городок Пифом. Уже закончились прямоугольники полей и пашен с колосющейся пшеницей, снопами убранного хлеба и свежевскопанной землей... По обе стороны дороги рос в беспорядке бурьян и чертополох, перемежаемый участками густой жухлой травы, которую время от времени срезали серпы поденщиков. Затем ее перемешивали с глиной и формовали кирпичи. Сейчас там неумолчно стрекотали кузнечики и пересвистывались суслики. Дорога описала дугу, и впереди показалась полоска Нила...

Моше расправил плечи — скоро он окажется у своих. Но что это?.. Справа, шагах в двадцати, в воздух вздымалась длинная палка, раздавались хлесткие удары, резкая брань и несдержанные вопли...

— А ну, останови! — приказал вельможа. Слуга натянул вожжи, и разгоряченные лошади с трудом сдержали бег. Осели на задние ноги, затоптались и застучали копытами, сминая одна другую... Моше вытянул шею...

Высокий жилистый египтянин, блестя от пота, нещадно лупил согнувшегося в три погибели поденщика. Лупил с толком и вкусом, поворачивая в руке толстый бамбук, а тот гулко и хлестко опускался на голую спину... Несчастный закрывал руками лицо, и только клочковатая борода торчала между пальцев...

— Ах ты мерзавец!.. Перестань сейчас же! — сорвавшимся голосом крикнул юноша. Но надсмотрщик, войдя в раж, уже ничего не видел и не слышал. Моше спрыгнул с коляски, держа навскидку бронзовый жезл. Руки и спина наказуемого показались ему до боли знакомы. Топча увядшую траву, он подлетел к истязателю. А тот разошелся вовсю...

— Ах ты с-с-скотина!.. С-с-сволочь! — не помня себя, задохнулся от гнева юный жрец и треснул египтянина литым бронзовым посохом. Ударил с такой силой, что согнулось чеканное надкрылие и сам жезл отскочил и загудел...

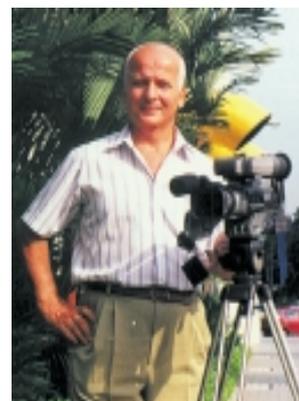
Надсмотрщик рухнул как подкошенный. Жертва, сжавшись в комок, не поднимала головы. Моше перевел дыхание...

— Ну, все... Ты с-с-свободен... С-с-слышишь, Аарон! — сказал он через минуту. Поденщик отнял руки, исподлобья глядя на избавителя. Вельможа вздрогнул. Это был не его родной брат!.. В груди Моше испуганно толкнулось и гулко застучало сердце. Боги, что он натворил! Юный жрец испуганно посмотрел себе под ноги — жилистый надсмотрщик обреченно валялся на примятой траве, не шевеля ни единым мускулом. Только крохотная ранка темнела на левом виске и открытые глаза уставились на пыльную траву...

— Ты кто? — спросил Моше по-арамейски, отводя взгляд от неподвижного тела. А на смерть перепуганный поденщик то ли не слышал, то ли не понимал избавителя. А может, считал его каким-то неведомым духом, неведь откуда явившимся...

— Разве ты не из Гесема? — повторил вопрос вельможа. Избитый поденщик осторожно выпрямился и стал незаметно отступать. Фигура и лицо высокого статного юноши в голубом хитоне и белом тюрбане потрясла его настолько, что он забыл обо всем на свете. Забыл о жестоких побоях и нестерпимой боли...

— Как тебя зовут? — еще раз спросил юный вельможа, но жалкий раб уже стремительно развернулся и помчался прочь с такой силой и прытью, что его не догнал бы даже голодный гепард. Босые ноги мелькали в выгоревшей траве, безжалостно давя цикад, черепах и ящериц, не успевших зарыться в горячий песок. Моше остался наедине с убитым...

Владимир Василенко — режиссер, киносценарист, автор серии документальных фильмов, посвященных проблеме сохранения уссурийских тигров. Это такие картины, как «Зверь у вашего порога», «Большой зверь», «Тайга без тигра». В 1997 году вышла в свет повесть о тигрице «Изящная», спустя два года — поэтический сборник «Высокий день», куда вошли стихи и поэмы. Публикуемый отрывок представляет собой главу из будущей трилогии Владимира Василенко «Исход», посвященной легендарному вероучителю еврейского народа Моисею (по-древнееврейски — Моше), выведшему своих соплеменников из так называемого египетского плена и заложившему основы религии и государственности.

Когда в Арт-подвальчике в канун Рождества проходила выставка хабаровской художницы Натальи Тимчук, одна женщина написала в книге отзывов эти строки: “Мне так трудно живется, а Вы для души сделали окно...” Наталья хранит небольшой альбомчик с рисунками своей мамы

— театрального костюмера. Мама очень любила Пушкина, и в альбомных набросках оживали персонажи пушкинских сказок. А еще она научила дочку рукоделию. Эта ниточка, протянутая из детства, всегда вела Наталью Тимчук в ее творчестве. Совсем как волшебный клубок.

ОКНА ДУШИ В СКАЗКАХ НАТАЛЬИ ТИМЧУК

Елена ГЛЕБОВА, журналист

Декоративные панно художницы — взгляд в тот мир, где “Русью пахнет”. В окнах-рамах живут не только герои сказаний и былин, но и самые обычные земные старики и старушки, молодцы и румяные молодухи. Они, как и мы с вами, радуются и огорчаются, спорят и мирятся. А в воздухе реально ощутимый запах от свежеспеченных баранок, пасхальных куличей и травяного чая.

Наталья Тимчук, работая над своими декоративными панно, старается передать характер через лицо и руки. Озорной блеск в глазах румяной девушки, мудрость в морщинах старца, доброта в улыбке добродушной деревенской бабы. И всегда есть какая-то небольшая деталь, которая делает работу живой, действующей. Как, например, веточки вербы в работе “Пасха” из серии “Праздники”. Куклы обитают в своем мире, и, заглянув в окно, можно разглядеть башенки на теремах, разнотравье луговых просторов русской земли.

Вообще-то куклы как основной образ творчества не сразу вошли в жизнь Натальи. Но театр, его необъяснимое волшебство всегда жили в ее сердце. Еще студенткой Владивостокского художественного училища она мечтала стать театральным художником и, получив диплом, поехала в Уссурийский

Старец.

Свадьба.

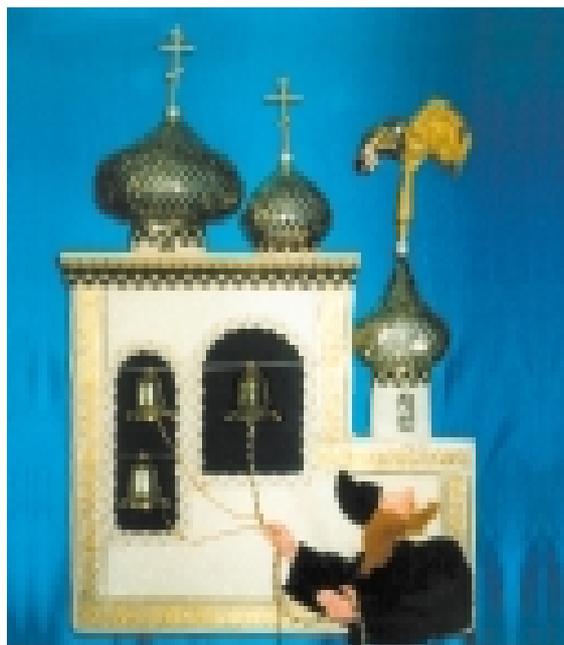
Повариха.

Гуслиар.

Белочка.

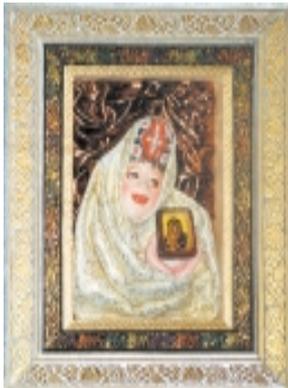
Колокольня.

Царевна Лебедь.

Праздник.

Мать с иконой.

Ткачиха.

Царь Салтан.

драматический театр, оформила постановку двух спектаклей. Но потом пришлось из театра уйти, так как муж был военным, его направили служить в Венгрию. Там, в небольшом гарнизоне, где жизнь не слишком разнообразна, Наталья решила сделать с детьми кукольный театр. Навели порядок и уют в заброшенном зале, оформили его по мотивам сказок Пушкина и устроили праздник для детей и взрослых. В то время она много рисовала на темы русских сказок и эти работы дарила венгерским друзьям.

Вернувшись в Хабаровск, Наталья преподавала в школе изобразительное искусство, лепила вместе с детьми кукол, придумывала сценарии, подбирала музыку. И даже когда ушла из школы, делала кукол для души. Это уводило от трудностей и серого быта. Художница нашла свой стиль, стала узнаваема по декоративным панно, где так гармоничны резное дерево, вылепленные из теста действующие лица, ситцевые лоскутки и сверкающая парча. Но главное, каждый герой наделяется своим характером, и даже отрицательные персонажи у Натальи получаются добродушными и совсем не злыми.

Её завораживают русские костюмы, красота их орнамента, неповторимые детали. Видимо, поэтому одними из первых героинь Натальи Тимчук стали Царевна-лягушка и Царевна Лебедь. Но еще хотелось показать красоту обычаев и традиций русского народа, выразить через это его характер. Так родились работы из цикла "Праздники". А сюжеты, конечно же, в любимых старых сказках, где добро всегда побеждает зло, царевич находит свою царевну, на свадебном пиру шипят заздравные кубки, и гусяры поют протяжные песни. Люди, которые приходят на выставки Натальи Тимчук, говорят, что слышат музыку в ее работах.

В прошлом году, когда отмечалось 200-летие со дня великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, художница воплотила свою давнюю мечту: серию работ по его сказкам. Тогда же в Арт-подвальчике состоялась персональная выставка Натальи Тимчук "Там русский дух, там Русью пахнет..." И знакомые с детства сказки вдруг приоткрылись совсем по-иному. Как будто художница открыла заветный сундучок с тайнами и секретами.

Культура русского народа богата, и все в ней источник для вдохновения. Наталья Тимчук надеется сделать серию панно "Плодородие", где оживут пышногрудые крестьянки со снопами пшеницы и румяными хлебами. Есть задумка выполнить тематические циклы "Пословицы и поговорки", "Церковные праздники", "Русские народные праздники". И это будут новые окна души. В них — только добро.

Бабариха.

Пряха.

Скоморох.

Гвидон.

Какая российская ярмарка обходилась прежде без «потешного ремесла»? Яркие глиняные свистульки, забавные медведи, кокетливые барышни и лихие всадники. «Хоть игрушка и детская забава, да вам придется по нраву...» Эта незатейливая реклама звучала на шумных столичных базарах, и редкий человек, приехав из соседнего села или деревни и попав в этот гомон и разноцветье, не привозил с ярмарки «забаву» своим ребятишкам.

Впрочем, в древности на Руси игрушки были не просто детскими утехами. Их наделяли магической силой, считали оберегами. Веками складывался художественный язык русской народной игрушки. Конь – слуга Солнца, женская фигура –

Исрушенное царство Светланы Котельниковой

Елена СОЛНЦЕВА, журналист

Фото Натальи ШЛЕНДИК и Елены ГЛЕБОВОЙ

Подсвечник
«Царевна Лебедь»,
фарфор.

Калининские петушки,
свистулька, глина.

олицетворение силы богини Матери-Земли, а птицы — ее вестницы и верные слуги.

Дымковские, каргопольские, филимоновские, абашевские «потешки», такие простые на первый взгляд, обладают особой красотой, загадочностью. Но сегодня, к сожалению, многое забыто. «Детская забава» заняла место на сувенирных полках в магазинах и салонах, но утратила свой истинный народный колорит. Игрушка, словно она живая, не терпит даже малейшего искажения форм, цвета, орнамента.

И все же есть в нашем городе человек, который не только знаком со всеми секретами древнего ремесла, но и щедро делится ими с учениками. Это Светлана Марковна Котельникова — художник и педагог. Много лет назад, решив возродить традиции русских промыслов на Дальнем Востоке, вместе с маленьким сыном она объездила практически всю старую Русь. Дымково, Филимоново, Каргополь. Нелегким было это путешествие, неохотно раскрывали местные мастера секреты своих предков, но характер у Светланы Котельниковой сильный, а натура тонкая, увлеченная. Прошла через все и стала настоящим мастером.

Напрасно я спрашивала Светлану Марковну о самой любимой ее игрушке. Каждая настолько оригинальна и неповторима, что выбор сделать ей нелегко. Нарядная «дымка» привлекает праздничностью, строгая каргопольская — лаконичнос-

тью цвета, филимоновская — символической орнамента. «В России богатейшая культура, — говорит художница. — И очень важно не нарушить ее целостность и гармонию».

Светлана Котельникова из тех художников, для кого сохранение исконных традиций — главное условие творчества. Ее авторские композиции — яркие картинки из жизни русского народа, сказочные сюжеты. Через игрушку она старается показать удивительный мир русского народа, его духовные традиции. Когда приходишь в дом Светланы Марковны, кажется, что ты попал в игрушечное царство, где живут только добрые герои и никогда не бывает печали. И это ощущение красоты, подаренное художницей, долго не покидает. Впрочем, это ее мир, который помогает переживать трудности и удары судьбы.

Свое детство Светлана Марковна провела в Санкт-Петербурге. Там ее окружали красивые улицы и дома, великолепие и торжественность музеев, но главное — интересные, талантливые люди. Прадед слыл отличным мастером, отливал колокола и узорчатые решетки, бабушка прекрасно рисовала углем, лепила. Они и были первыми учителями, духовными наставниками будущей художницы. Хотя тогда, наверное, она этого не осознавала. Но мир искусства

всегда манил ее, и желание стать художником казалось таким естественным.

Практически всю свою жизнь Светлана Марковна Котельникова работала с детьми. Последние десять лет — в студии малых скульптурных форм и изобразительного искусства муниципального Центра эстетического воспитания детей. Сколько веселых праздников и костюмированных балов устраивала она со своими питомцами, стараясь как можно ярче раскрыть для них уникальность русской игрушки. Не случайно многие ученики Котельниковой выбрали профессию художника, а для тех, кто пошел в инженеры или, скажем, учителя, «потешка» стала увлечением на всю жизнь.

Так сложилось, что Светлане Марковне пришлось перенести тяжелейшую травму, но сегодня она возвращается к жизни, возвращается в мир искусства. Для нее это все равно что дышать. Художница готовит свою персональную выставку, и ее игрушечное царство наполняется новыми красками и характерами.

Медведица-нянька,
филимоновская игрушка, глина.

Деревенские музыканты,
дымковская игрушка, глина.

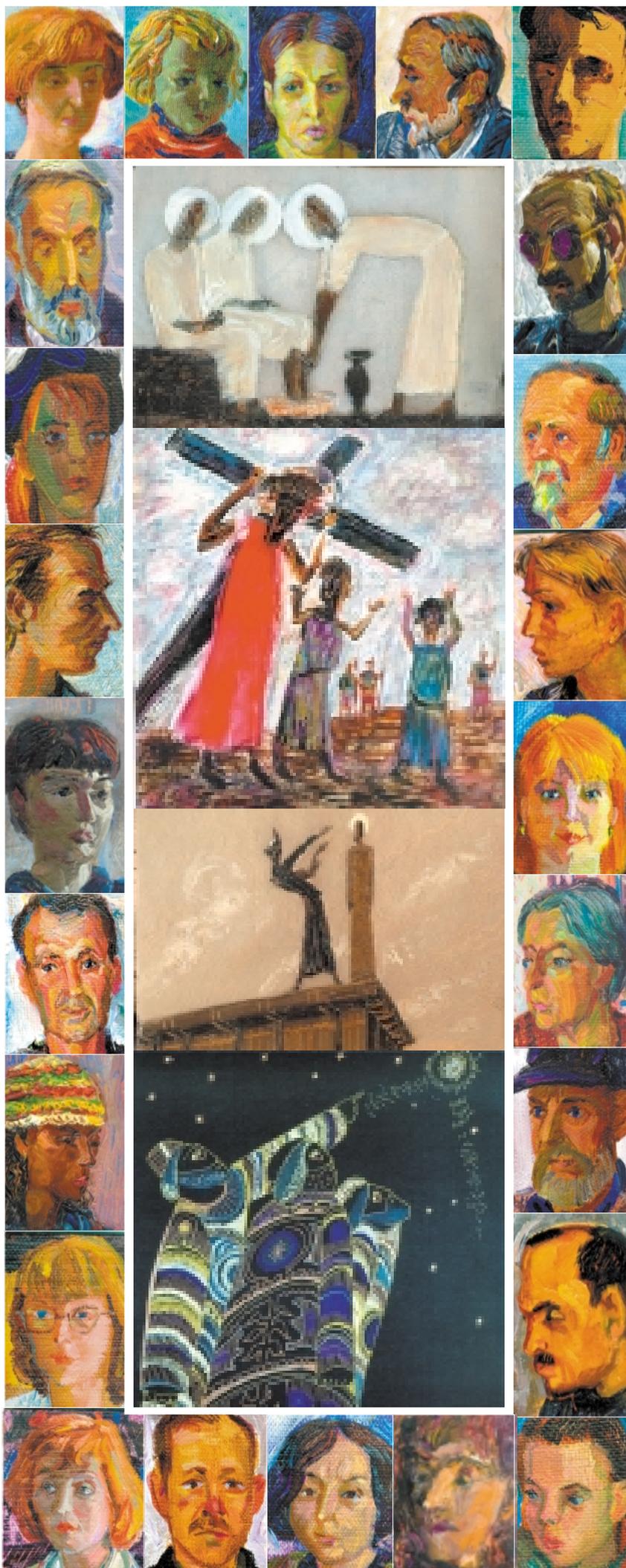
Птичница (по эскизам
русских мастеров),
дымковская игрушка, глина.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОСТОЯНИЯ, МОЛИТВЫ

Под таким названием в декабре в Дальневосточном художественном музее планируется выставка художников Григория Зорина, Романа Цымбало, Александра Лепетухина, Игоря Шабалина и Андрея Паукаева. Александр Лепетухин в своей части экспозиции решил показать столкновение современности через образы конкретных людей и вещей высокого духовного плана. Галерея портретов наших современников, среди которых люди широко известные и не очень, — своего рода обрамление для рисунков на библейские темы. По словам самого художника, получается эффект киномонтажа. Когда нейтральное по эмоциональной окраске лицо помещается рядом с праздничным или трагическим изображением, оно приобретает то или иное настроение.

— Мне кажется, что молитву можно выразить не только словами, но и с помощью художественных образов, — размышляет Александр Лепетухин. — Помещая человека в эту духовность, ты как бы воздействуешь на него молитвой. А выбор людей для моих портретов не так уж и важен. Любой человек несет в себе частичку высшего начала, и в душе каждого есть идеал. Другое дело, что все мы — «простреленные иконы», и никто в этом, кроме нас самих, не виноват. И все-таки к любому человеку нужно относиться, как к иконе, как к отображению чего-то высшего, и не кивать на самые низменные его проявления. И тогда он сам станет чуточку повыше. У людей сегодня нет идеала, он утрачен. Работая над этим циклом, я пытаюсь к этому идеалу прикоснуться...

Елена ГЛЕБОВА,
журналист

Здесь нет рампы, и огромное пространство, делая происходящее на сцене чем-то нереальным, не отделяет зрителя и артиста. И кажется, что ты сам погружаешься в спектакль, живешь в нем, страдаешь, ликуешь, надеешься. Это как живительный глоток воздуха.

Театр-галерея, руководит которым режиссер Вадим Паршуков, - одна из программ Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры. Первый спектакль "Алтари в пустыне" состоялся почти пять лет назад в Арт-подвальчике.

- У меня сейчас ощущение пустыни нравственной. Люди потеряли ориентиры, - размышляет Вадим Паршуков. - И я бы хотел, чтобы возникли эти алтари в пустом бесконечном пространстве. Цветаева, Вертинский, Достоевский, Толстой, Шукшин - люди, которые ставили эти вехи, ориентиры в нашем пустынном пространстве.

"Желтый Ангел" - театральная фантазия по песенкам Александра Вертинского, "Человеческий голос" Жана Кокто - эти спектакли способны расколоть самую креп-

ТЕАТР-ГАЛЕРЕЯ:

алтари надежды в пустом и бесконечном пространстве

кую броню, которую сегодня мы надеваем на сердце, потому что так проще жить. И душе так больно от одиночества Пьеро, потому что это и наше одиночество, а короткие гудки телефона из "Человеческого

голоса" - словно капли уходящей жизни. Нашей жизни.

Но надежда, она все равно здесь, рядом. По словам Татьяны Якимчук, актрисы Театра-галереи, ее роли в "Алтарях в пустыне", "Человеческом голосе" - это не умирание человека, а попытка перешагнуть через смерть. Может быть, она-то нам и подскажет, как дальше жить...

В планах Театра-галереи "Возвращение" Василия Шукшина, "Маскарад", "Демон" Михаила Лермонтова, "Играем Стринберга" Дюрренмат-

та. А режиссер Театра-галереи Вадим Паршуков мечтает, чтобы именно здесь, в фонде культуры, где сохраняются действительно вечные ценности, играли лучшие артисты Хабаровска.

На фото: сцены из спектаклей "Жёлтый Ангел", "Человеческий голос".

On the photo: The scenes from the plays "The Yellow Angel" and "The Human Voice".

2000 год для христианства – юбилейный. Это и определило основное направление шестого номера "Словесницы искусств". Не ставя целью объять необъятное, мы постарались показать лишь отдельные штрихи к портрету Хабаровска и Дальнего Востока: история православия на востоке России, уникальные архивные документы, размышления о судьбах уже ушедших людей и их роли в развитии духовности нашего края, портреты современников.

The year 2000 is the Great Jubilee for Christianity, the most well known religion in the world. This event has defined the content of the sixth issue of «Narrator of Arts». Our goal is not to completely cover this limitless topic. Instead, we wish to highlight just a few strokes in the portrait of Khabarovsk and the Far East. We will focus on the history of the Orthodox Faith in eastern Russia, some unique archive documents, contemplation concerning the lives of those who have influenced spiritual development throughout our area in the past, and pictures of those who live today.

